ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

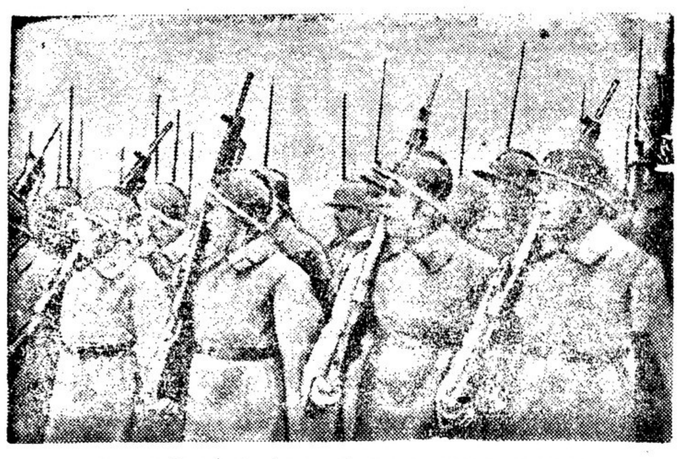
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РСФСР

№ 9 (237) 23 февраля 1933 ГОДА. ЦЕНА 20 КОП.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Э. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усиевич



ПАРАД ПЕХОТНЫХ ЧАСТЕЙ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

КРАСНЫЙ ФЛОТ ГОТОВ ЗАЩИЩАТЬ ГРАНИЦЫ СССР.

1918 ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ 1933
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Писатели-герои гражданской войны и социалистической стройки

ГОРЬКИЙ А. М. — ОРДЕН ЛЕНИНА

СЕРАФИМОВИЧ А. С. — ОРДЕН ЛЕНИНА

АЗАРХ Р. — ОРДЕН БОЕВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

ВИШНЕВСКИЙ Вс.. — ОРДЕН БОЕВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

ДЕХТЯРЕВ Л. — ОРДЕН БОЕВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

ЗАЛКА М. — ОРДЕН БОЕВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

РАКИТИН Н. — ОРДЕН БОЕВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

РАСКОЛЬНИКОВ Ф. — ОРДЕН БОЕВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

СУБОЦКИЙ Л. — ОРДЕН БОЕВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

ФУРМАНОВ Дм. — ОРДЕН БОЕВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

ТАРАСОВ-РОДИОНОВ — ОРДЕН БОЕВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

ШАГИНЯН М. — ОРДЕН ТРУДОВОГО ЗНАМЕНИ

ПИСАТЕЛЬ и ОБОРОНА СССР

С. М. БУДЕННЫЙ

Всемирно-исторические победы рабочего класса, новая обстановка, новые условия хозяйственного строительства в нашей стране вызвали рост и успехи пролетарской художественной литературы, которая по **идейно-художественной** своей глубине является первой в мире.

Троцкистская теория невозможности создания пролетарской литературы в условиях диктатуры пролетариата, вытекавшая из его же контрреволюционных утверждений о невозможности построения социализма в одной стране, — разбита вдребезги. Большинство писателей повернулось в сторону пролетариата и под руководством коммунистической партии стало на путь борьбы за социализм.

Реконструкция страны пролетарской диктатуры, вызвавшая могучий рост творческих сил не только в экономике и политике, активизировала силы страны во всех областях ее жизни. Советская художественная литература выдвинула значительные шеренги молодых литературных сил, напедших пути понимания идейного замысла и художественного воплощения. Но несмотря на значительное количество и высокие качества советской литературы, на сегодня мы все же имеем отставание литературы от клокочущих требований культурно растущих масс.

Заводы, фабрики, рабочий класс, ударники социалистического труда — центральные фигуры нашей эпохи—еще недостаточно и подчас слабо удаются нашим писателям. Поэтому сегодняшняя задача — переход к фабрично-заводской и колхозной тематике, что должно подвинуть писателей вперед в деле художественного отображения процессов, происходящих в самом сердце нашей революции: на наших фабриках, заводах и в колхозах. Советской литературе созданы все необходимые условия для достижения этой цели.

Подлинный смысл гражданской войны в художественной советской литературе частью нашел свое отражение в ряде уже созданных значительных произведений, посвященных борьбе Красной армии. Достаточно назвать такие произведения, как «Чапаев», «Мятеж» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» Фадеева, «Первая конная» Вишневского и ряд других. Но марксистско-ленинская школа культурной революции во всей полноте ставит перед нашей литературой задачу показать трудящимся Советского союза и всего мира героическую борьбу Красной армии в период гражданской войны, и не только в ее отдельных моментах и эпизодах, но и как цельное большое художественное полотно борьбы труда с капиталом.

Наряду с этим одной из основных задач советских писателей является — более близкая связь с Красной армией. Писатели должны активно включиться в работу над созданием, над художественным оформлением «Истории гражданской войны». Они должны отобразить и Красную армию, армию сегодняшнего дня, стоящую на страже завоевания Октября, на страже социалистического строительства.

На базе культурного роста, живого участия в социалистическом строительстве советские писатели должны создать художественные произведения, правдиво отражающие нашу эпоху.

Б. М. ФЕЛЬДМАН

Начальник главного управления РККА

ИНТЕРВЬЮ

Из всей советской художественной литературы, где описывается старая царская армия и старый царский флот, ни одна книга не произвела на меня такого большого впечатления, как **«Цусима» Новикова-Прибоя.** Никто из писателей не дал такой правдивой картины состояния царского флота в период русско-японской войны, какую дал автор «Цусимы». В этой книге в обнаруженном ярком виде показаны классовые противоречия между командным составом царского флота, представителями дворянского класса и рядовым составом флота. Такую книгу мог дать только человек, который сам испытал все «прелести» царского флота, как рядовой боец-революционер.

Тов. Новиков-Прибой не ограничился хронологическим описанием событий. Весьма интересны его рассуждения (особенно в конце первой книги «Цусимы») о стратегической безграмотности адмирала Рожественского, направившего свои «калоши» через Цусимский пролив.

Теперь о книге Л. Соболева **«Капитальный ремонт».** Эта книга также производит сильное впечатление. У Соболева, так же как у Новикова-Прибоя, особенно ярко обрисована пропасть, которая существовала между офицерским и рядовым составом — бездушное отношение к нуждам матросов, готовность послать людей на каторгу для выслуживания перед начальством. Л. Соболев дал яркий тип офицера русского флота, кругозор и развитие которого дальше пьяной каюткомпании не шли. Из последних рассказов о современной Красной армии надо отметить рассказ **С. Вашенцева «Пленный».** Писатель правильно отобразил тип бойца — комсомольца-энтузиаста, который в обыденной жизни, в казарме, на занятиях, на политчасе, на маневрах выполняет долг воина Красной армии, защитника нашего социалистического отечества, с полным сознанием ответственности перед страной, партией и рабочим классом. Но когда прочитываешь до конца этот рассказ, остается чувство какой-то неудовлетворенности. Хотелось бы иметь более яркую характеристику нашего бойца — типа одного из героев рассказа т. Вашенцева.

Какие очередные задачи должны осветить советские писатели в своих произведениях? Наиболее актуальной является, по-моему тема: овладение Красной армией боевой техникой, борьба за дисциплину, организованность и интернациональное воспитание нашего бойца. Писатели должны быть ближе к Красной армии. Писатели должны перевариться в котле армии, по-настоящему изучить быт нашей казармы и нашего красноармейца. Это — первое условие для плодотворной творческой работы в области оборонной тематики.

В заключение несколько слов о журнале «Знамя» (б. «Локаф»). Этот журнал всегда читаешь с большим интересом и вниманием. Необходимо только дополнить его серьезными статьями о строительстве РККА, о развитии военного дела на уровне современной техники. К сожалению, тираж журнала небольшой. Его редко найдешь у красноармейцев в казарме. Красноармейские массы мало знают журнал «Знамя». Необходимо увеличить тираж журнала, удешевить его и широко продвинуть в красноармейские библиотеки.

АЛКСНИС

Начальник военных воздушных сил РККА

К 15-й годовщине Рабоче-крестьянский красный воздушный флот имеет большие достижения и успехи. Одним из важнейших успехов является то, что мы на сегодня уже имеем свою, советскую авиационную промышленность, способную производить потребные нам самолеты, моторы, авиационное вооружение и оборудование.

Если в первый период мирной передышки мы находились почти в полной зависимости по материальной части авиации от заграницы, то к 15-й годовщине мы от этой зависимости целиком и полностью освободились.

За годы мирной передышки мы обеспечили наш воздушный флот рабоче-крестьянским летно-техническим составом почти на 100 проц. — большевистским и комсомольским. Этот состав проделал большую работу над овладением боевой техникой и ее боевым применением.

Мы обеспечили нашу авиационную промышленность, научно-исследовательские учреждения и военные воздушные силы молодыми инженерными кадрами, кадрами высокой политической сознательности и сравнительно высокой технической подготовки. В этом большая заслуга нашей Военно-воздушной академии им. проф. Жуковского, получившей на конкурсе звание лучшего высшего технического учебного заведения в Союзе и празднующей сегодня вместе с 15-летием Красной армии 10-летие своего существования.

Все эти успехи стали возможными на базе общей индустриализации нашей страны, на базе успехов в осуществлении первой пятилетки под руководством нашего ленинского ЦК во главе с т. Сталиным.

В процессе решения всех этих задач было проявлено много героизма, много творчества и инициативы и летным составом, и техническим составом, и рабочими, и инженерно-техническими кадрами нашей промышленности. К сожалению, вся эта героическая борьба за мощный советский воздушный флот нашла очень слабое отражение в нашей художественной литературе. Неоднократные попытки привлечь наших молодых писателей к освещению этих вопросов, за редкими исключениями, не увенчались особым успехом. Между тем вряд ли можно найти другую отрасль более благодарную для художественной литературы, чем воздушный флот, если подразумевать под этим и военные воздушные силы, и гражданскую авиацию, и нашу авиационную промышленность.

Мне думается, что лучшим ознаменованием 15-летия воздушного флота явился бы поворот наших лучших художников-литераторов всерьез и надолго лицом к воздушному флоту.

Я выражаю твердую уверенность, что уже в течение шестнадцатого года существования Рабоче-крестьянского красного воздушного флота этот поворот наших художников-литераторов будет закреплен делом: выпуском целого ряда литературных художественных произведений о воздушном флоте.

«Для биржи, для деловых людей солнце сейчас всходит на Востоке»—писал в феврале прошлого года чехословацкий экономический журнал «Ди виртшафт».—«Там, на Востоке, началась порядочная война, вызвавшая увеличенный спрос на снаряды, пулеметы, газы, химпродукты, средства связи и транспорта и всякие другие прекрасные вещи, которые многие страны могут поставлять в каком угодно количестве».

Чехословацкий журнал не одинок—почти все экономические и кон'юнктурные обзоры буржуазных газет и журналов констатируют непрерывный рост продукции заводов военной промышленности. Капиталистический мир готовится рубить мечом войны чудовищный клубок противоречий между отдельными капиталистическими странами, он ищет выхода из кризиса на путях новой мировой бойни и, рассчитывая все свои противоречия разрешить в первую очередь за счет Советского союза, он готовит войну против страны побеждающего социализма.

Наряду с магнатами военной промышленности над подготовкой войны работает банда попов, газетных писак и огромная армия работников искусства буржуазии. Как накануне и во время войны 1914—1918 гг., так и в наши дни перед художниками, музыкантами, писателями капиталистических стран ставится задача психологической подготовки к войне во всех ее формах, начиная от открытой шовинистической агитации и кончая изощренной социал-фашистской и пацифистской пропагандой.

Огромный поток литературы о войне, воскрешающей культ «военного героя», «неизвестного солдата», славно погибающего «за родину и свободу», волна социал-фашистских пацифистских романов и повестей, убеждающих трудящихся в том, что «война невозможна», что «кровавый бред не повторится» и этим стремящиеся ослабить антивоенную борьбу рабочих, многотысячные тиражи приключенческих повестей для юношества, воспитывающих молодежь в духе милитаризма,—все это выражает усилия генеральных штабов и военных министерств подготовить «дух» будущих армий.

Советский союз, страна социализма, ударная бригада мирового пролетариата, — вот центр притяжения империалистических вожделений, сюда направлено острие военных приготовлений буржуазии.

Советский союз есть вместе с тем и центр притяжения всего передового, честного и революционного, что есть на Западе. Переход на сторону революции лучших мировых писателей, неоднократные выступления против войны Ромэна Роллана, Анри Барбюса, Теодора Драйзера, Дос-Пассоса и других— есть свидетельство готовности наших друзей на Западе защищать социалистическое отечество трудящихся всего мира — СССР.

Твердая, выдержанная и последовательная политика мира, проводимая советским правительством, огромный рост мощи нашей страны на основе побед социалистического строительства в городе и деревне, укрепление нашей Красной армии— все это охраняло и будет охранять нашу страну от военной грозы. Но было бы величайшей ошибкой считать передышку бесконечной. «В настоящий момент совершается переход к новому туру крупных столкновений между классами и между государствами, к новому туру революций и войн»—констатировал XII пленум ИККИ. Именно поэтому на основе успехов индустриализации нашей страны и коллективизации сельского хозяйства мы непрерывно повышаем мощь нашей славной Красной армии, празднующей сегодня свое пятнадцатилетие. Взращенная партией и рабочим классом в героические годы гражданской войны, Красная армия в настоящее время по своей технической оснащенности и вооруженности не уступает любой современной капиталистической армии. Она—единственная армия в мире, которая знает, за что будет бороться в неизбежных боях с капитализмом, и в этом—залог грядущих побед Красной армии.

Советская литература, как и все искусство в целом, является могучим средством укрепления обороноспособности нашей страны и дальнейшего повышения боеспособности Красной армии.

Социалистическое воспитание трудящихся Советской страны в духе борьбы с частнособственнической психологией во имя священной общественной собственности, разоблачение средствами художественной литературы бешеной подготовки капитализмом новых войн, ознакомление подрастающих поколений трудящихся с опытом гражданской войны, ее героями и вождями, показ современной Красной армии, защитницы социализма и великой школы коммунистического воспитания, — вот как формулируются великие задачи художественной литературы в деле обороны страны.

Литература буржуазии отравляет сознание трудящихся ядом зоологического национализма, милитаристской пропаганды, пацифистского слюнтяйства.

Литература Советской страны художественным словом правды борется против войны, против капитализма, за социалистическое общество, за укрепление обороноспособности диктатуры пролетариата.

В день славного юбилея Красной армии советские писатели шлют ей пламенный привет художников, готовых отдать и отдающих свои силы на дело обороны социализма.

Вождю и организатору Красной армии—коммунистической партии, мудро руководимой т. Сталиным, боевому водителю и воспитателю Красной армии, рабочему наркомвоенмору т. Ворошилову, бойцам, командирам и политработникам могучей армии пролетарской диктатуры — привет!

И. С. КУТЯКОВ

Командир и комиссар N-ского стрелкового корпуса, быв. начдив 25 Чапаевской дивизии

Мы имеем ряд прекрасных художественных произведений на оборонную тему: «Чапаев», «Мятеж» Дмитрия Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» Фадеева и другие книги о гражданской войне. Все эти книги дают правдивое освещение различных эпизодов гражданской войны, характеристику боя, настроения людей перед боем. Замечательное произведение — это «Железный поток» Серафимовича. Я его читал три раза. Это—книга, которая будет долго жить.

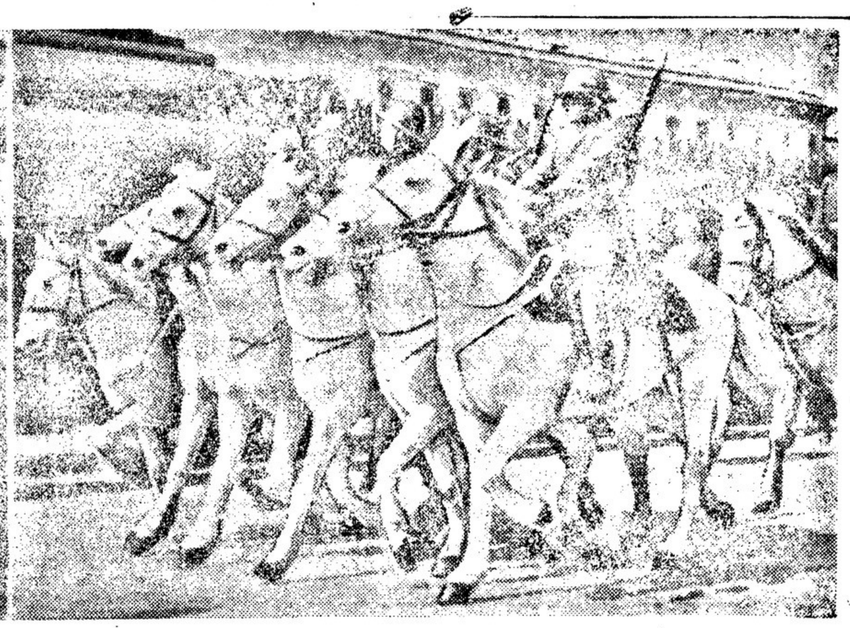
Писатели! Поменьше вымысла, искажений исторических фактов! Изучайте, если надо, годами архивный материал, а потом садитесь за стол и пишите книги о гражданской войне. Наши художественные оборонные произведения должны, так же как и «Война и мир», не только помогать нашему бойцу оперативно-стратегически, но и воспитывать в нем энтузиаста будущих побед.

Я недавно прочитал «Ромб» Карцева. Это в основном интересная и ценная книга. Но ее беда в том, что она вышла с опозданием, так, примерно... на 5—6 лет. Если бы эта книга вышла в 1924—25 году, она помогла бы массе бывшего офицерства понять его роль в Красной армии. Но книга появилась в 1932 году. Пора писателям перейти к созданию широких глубоко убедительных художественных произведений. Наши произведения показывают отдельные красноармейские части, а не отражают в больших масштабах целую армию.

Писатели! Изучайте современную Красную армию, встречайтесь больше с командирами частей, посещайте наши военные игры, тактические учения, маневры. Это поможет вам создать большие произведения, достойные героической Красной армии.

«Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне».

(Из доклада тов. СТАЛИНА на январском об'единенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).



КРАСНАЯ КАВАЛЕРИЯ. СПРАВА—БОЙЦЫ 1-Й КОННОЙ АРМИИ БУДЕННОГО В 1920 ГОДУ, СЛЕВА—КРАСНАЯ КАВАЛЕРИЯ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В 1932 ГОДУ.

Ив. Анисимов

НА ЗАЩИТУ НОВОГО МИРА

Так называется книга, в которой Ромен Роллан об'единил свои выступления последнего времени с несколькими статьями его прошлого. Это—документ глубокого и патетического звучания. Бесспорно, это одна из самых замечательных книг нашего времени. Великий писатель, ставший «в ряды СССР», разорвав с гуманистическими иллюзиями, связывавшими и ограничивавшими его борьбу с капитализмом, показывает в книге, посвященной 15-й годовщине Октябрьской революции, свой путь к рабочему классу.

Книга открывается статьей 1916 года «Убиваемым народам», «призывом отчаяния и мятежа», статьей, которая, по признанию самого Роллана, «открывает собой новый период в его антивоенных мыслях». Это — статья потрясающая. Это — гневное, возмущенное и беспощадное разоблачение капитализма, породившего мировую бойню. Это — приговор «европейской цивилизации, пахнущей трупом». Энергия, с которой Роллан срывал маску с империалистической войны, благородство и величие «последнего европейца», видящего безумие охваченной «мерзким угаром цивилизации», как в капле воды, отражены в этих страницах. И вместе с тем статья является выражением всех противоречий гуманистической позиции, которую занимал в годы войны Роллан. При всей страстности, напряженности, смелости своей —она не дает ответа на главный вопрос: каков же выход?

В замечательной главе «Прощание с прошлым», относящейся к 1931 году («Когда я писал эти страницы, мне пришлось вновь пробежать в уме тот путь, который был пройден мною»), Роллан повествует о мучительных противоречиях своих в годы войны.

«Бьюсь в яме!»—восклицает он. «Я упрямо верил в «лучшую часть» европейских умов, в смелое меньшинство интеллигенции, способной стать решительными и непримиримыми апостолами «независимого духа». Выйти из заколдованного круга, найти действительную опору для борьбы с капитализмом и войной, порожденной им, Роллану так и не удалось в те годы. Он остался глубоко трагической фигурой, одиноко возвышавшейся над «безумием», охватившим буржуазный мир. Приглашая «лучшие умы» Запада остаться «в стороне от схватки», Роллан делал бескрылой свою борьбу с войной.

В «Прощании с прошлым» он пишет: «Теперь я смотрю на дело иначе. В те времена я еще не понимал, так, как понимаю сейчас, сущности буржуазной идеологии, хотя бы и в благороднейшей ее форме, вернее сказать, еще не прощупал костяка, как это удалось мне сделать впоследствии, жалкой породы имеющих себя «верхушкой интеллигенции».

В мудром, полном презрения к лавочникам пан-Европы «Ответе Гастону Риу» (1931 г.) Роллан продолжает критику своей гуманистической ограниченности в годы войны.

«В те времена я и сам медленно, с трудом и с болью освобождался от всех тех иллюзий, которые опутали мою молодость (ложь официальной истории, ложь национальных и социальных условностей, условностей традиционных и государственных), и едва начинал различать, трепеща, тот освободительный ответ, который должны были бы дать народы. И я не смел его произнести. Сегодня я его произнесу. Это ответ Ленина в 1917 году: восстание европейских армий против хозяев войны и их братание на поле битвы».

Какой огромный сложный путь пройден писателем от бесплодной гуманистической фразы до «мысли Ленина чистой и острой, как меч»!

С высоты, на которую он поднялся, перейдя в лагерь революции, Роллан рассматривает свое прошлое. Он не считает возможным «щадить себя», подвергая критике заблуждения прошлого. Он прекрасно, видит, что, разоблачая их, он помогает слоям западной интеллигенции найти верный путь. Он называет «очень бледными» свои пацифистские выступления. Он подвергает пересмотру свои прежние позиции.

В прошлом Роллан чуждался политики. Это был основной пункт гуманистической программы, означавшей в сущности примирение с капитализмом, безобразие, гнусность которого Роллан давно уже понял. Весь «Жан Кристоф» пронизан проповедью «воздержания от политики». Теперь Роллан, защищающий дело рабочего класса, издевается над интеллигентами, «надменно отвлекающимися от социальных и политических движений», над «отвращением или презрением к политике», которым гуманисты маскируют защиту капитализма. «Нет, —восклицает Роллан, — я не стану отворачиваться от политики!» Он видит теперь свою роль в том, чтобы быть страстным политическим борцом за свержение ига капитализма.

«Смотреть врагу прямо в лицо!»— восклицает он.

Не менее резко обрушивается Роллан и на гуманистическую проповедь непротивления, пассивности, некогда характерную и для него самого. Этот предрассудок прошлого он вырывает теперь с корнем. «Я все больше проникаюсь отвращением к тем своим друзьям из французской интеллигенции, которые, как я вижу, слишком легко довольствуются удобной позицией отрицателей насилия».

Изумительно острым, проницательным сделалось зрение Роллана после того, как гуманистические путы он разорвал. Теперь его гневная критика загнивающего капитализма начинает звучать «во весь голос».

Книга содержит целый ряд замечательных выступлений Роллана, направленных против гуманистических «миротворцев» послевоенной Европы. «Письмо Эугену Рельгису», «Письмо Пьеру Серизолю», «Ответ Гастону Риу», «Письмо Эдмонду Прива», «Письмо швейцарскому публицисту», «Письмо Жерару де Лакоз-Дютье», статьи—«По поводу пакта Келлога и комедии мира», «Разбой под флагом мира», «О пан-Европе»—содержат полную сарказма, гневную критику пан-европейских затей, являющихся ширмой подготовки новой войны.

Роллан клеймит «предательство всех этих псевдолиберал, этих социалистов-ренегатов, этих лже-идеалистов, которые неустанно взывают к праву, к свободе, к цивилизации, к миру», прикрывая своей возней подготовку новой войны. Роллан клеймит «мир», фабрикуемый в «гнилых женевских говорильнях», «мир лжи и смрадный, отравляющий своим зловонным дыханием Европу».

Как пример проницательности Роллана и той остроты, которой достигает теперь его анализ общественных процессов, можно привести меткую характеристику, которую дает он современной социал-демократии в «Письме к швейцарскому публицисту».

«Слишком очевидно, что вожди социалистической партии составляют высшую точку правящей буржуазии и что им было бы трудно порвать со старой системой мышления и управления, не покончив с самими собой... Они остаются опорой колониального империализма и денежного интернационала. Они суть и будут последние «столпы общества», которое рушится. Естественно, что их и коммуннстов разделяет баррикада». Что можно прибавить к этой уничтожающей реплике?

РОМЕН РОЛЛАН

Признание ведущей роли пролетариата в борьбе за свержение капитализма характерно теперь для высказываний Роллана.

«Обращение, прочитанное в первом заседании всемирного военного конгресса» — поистине гигантскую роль сыграл Роллан в организации этого исторического с'езда —имеет основой признание «авторитета рабочего класса». Интеллигенция должна итти с рабочим классом. «Грядущая война—в руках рабочего класса. В его власти задушить ее».

Роллан «считает необходимым изобличить и заклеймить глупое и вредное чванство, разграничивающее, как две касты, интеллигенцию и массы». Он подчеркивает, что рабочий класс «является рычагом всякого действия», единственной силой, которая может ниспровергнуть капитализм. Связь с рабочим классом Роллан рассматривает как основу своего нового пути.

В трогательном «Привете Горькому», имя которого так часто встречается в выступлениях Роллана, он говорит:

«Горький составляет одно целое с совестью пролетариата. Он— интеллектуальное его увенчание. Горький и пролетариат не отделимы друг от друга. Я не так счастлив: в течение тридцати лет мне пришлось тщетно искать свой народ, чтобы пустить в него корни... Я ждал его, призывал с самого детства. Почва кругом меня была истощена, иссушена. Но я протянул свои корни и достиг под почвой Европы плодородных пластов русского народа, необ'ятной жизни, пробужденной в глубинах СССР. В конце этой подземной работы мои корни встретились с корнями Горького, и они братски сплелись с ними».

С большой силой развертывает Роллан картину борьбы двух миров, связывая с Советской страной все свои надежды. «Если СССР подвергнется угрозе, то, кто бы ни были его враги, я стану на его сторону... Я знаю, что он воплощает самый героический опыт, самую прочную социальную надежду будущего. Если бы он исчез, я бы перестал интересоваться будущим Европы. Я бы считал ее социально обреченной на много веков».

Дело СССР стало для Роллана делом его жизни.

«Я никогда не вернусь назад. Вперед, и пойдем вместе, товарищи!

Могу вам сказать: я не один. Многие на Западе последуют за мной... Смотрите на меня как на вестника нового Запада, который идет к вам».

Патетическая, полная надежд книга Роллана представляет явление историческое. Она свидетельствует об углубляющемся развале капиталистического мира и приближении решающих классовых боев на Западе.

К. Федин

Сызранский ЭПИЗОД

Летом 1919 года по Сызрани погуливал писатель Александр Рославлев. Он приехал из Москвы, где успел погромыхать своим басом в «салонах революции» — в кунеческом особняке заковыристого стиля, названном Дворцом искусств, в бедненьких комнатках разных отделов Наркомпроса, раскиданных по тупикам и переулкам. В Москве было нестерпимо голодно, а в Сызрани ели белый хлеб, ягоды и потягивали самогоночку. Рославлев ходил большой, грузный, медлительный, поглядывал на базар, на скучную главную улицу, на пожарный двор и говорил:— ну и обитель! Нарочно не придумаешь...

Я смотрел на Рославлева с удивлением. Он был «настоящим» писателем, первым писателем, с которым я здоровался за руку и который говорил мне «ты». Я давным-давно читал его сказки и рассказы, а тут он ходил со мною, взяв меня подмышку (он был громаден, ему было неудобно держать мою руку ниже), и говорил о революции. Приехав, он первым долгом заявился ко мне в редакцию журнальчика, который я вел, и взял у меня аванс. Засунув кереньки в поповские, по глубине, карманы, он спросил:

— А где здесь еще выдают авансы?

— В газете, — ответил я.

Он пошел в газету и взял аванс там. Это было не по-сызрански. Это был столичный, питерский, сатириконский класс. Писатель брал авансы пренебрежительно, но не брать не мог: таков уж был писательский удел. Взяв авансы, он успокаивался и начинал жить...

Наступали самые грозные месяцы гражданской войны. Орды Колчака подкатывались к Волге, генерал Деникин забирался на север, к Москве, Юденич спешил зажать в клещи Петроград. Сызрань, год назад отведавшая чехословацко-самарской демократии, взволнованно готовилась к возможным событиям. Из-за Волги прибывали толпы пленных, приходили разрозненные части на новое формирование. Больницы и лазареты были забиты людьми.

В то время большие надежды начали возлагать на красную конницу, как оказалось впоследствии, не напрасно. Некоторые ее части формировались добровольно, и на Сызрань выпала задача набрать охотников-кавалеристов. Обученных, уже служивших кавалеристов в городе было заведомо мало. Однако это был перелом гражданской войны, гребень кризиса, и настроения были резко противоположные, решительные. Было ясно для каждого: либо проиграть войну белым и проиграть все, либо добиться поворота, победы и открыть стране новое будущее. Важно было создать известный под'ем в широких кругах. Наберем ли мы в конницу настоящих кавалеристов или только любителей верховой езды — это было второстепенно. Первостепенно было образовать новую группу бойцов, готовых сопротивляться.

Кампанию открыла газета. Я был тогда ее редактором. Она выходила на желтой оберточной бумаге, иногда внушительного веса, так что ее было так же трудно наклеить на стену, как лист тряпичного картона. Изо-дня в день газета писала о задачах конницы, о предстоящем наборе добровольцев-кавалеристов — фельетоны, статьи. В газете сотрудничали молодые журналисты, с которыми меня связывала дружба, украшенная мечтами о художественной литературе, о стихах, о хорошем журнале (наш, сызранский, увы, был плох). Когда мы не слишком уставали и не ленились, нам удавалось кое-чего добиваться газетными выступлениями. Со мной работали братья Михаил и Лев Субоцкие, Алексей Колосов — мой предшественник по газетной редактуре. Кстати, если вспомнить подробнее жизнь тогдашних сызранских редакций, наберется немало интересного. Например: я помню приезд к нам В. М. Молотова, командированного ЦК партии для инструктирования провинциальной печати. С его участием состоялось совещание в редакции, на котором он не только говорил о задачах советской прессы, но разбирал и конкретные особенности — хорошее и плохое — нашей газеты. Ее вел тогда Колосов, она называлась «Алым путем». В конце совещания Молотов, поправляя пенсне и прищуриваясь на нас, неторопливо и негромко сказал:

— Потом насчет названия... «Алый путь» — это скорее для какого-нибудь журнала. Вы не находите?... Для газеты не подходит. Как-то слишком вычурно. Надо бы попроще...

Колосов, недавно весьма довольный этим названием, заменившим скучноватую шапку «Известий сызранского совета», вдруг весело рассмеялся над «Алым путем». Газета вскоре стала «Сызранским коммунаром».

«Сызранский коммунар» бил долго и горячо в одну точку: надо было набирать добровольный кавалерийский полк — так называлось задуманное формирование. Решено было открыть запись в добровольцы на большом общегородском митинге. Такие митинги устраивались в здании городского театра — мрачном, манежеподобном помещении, центре всей тогдашней общественной жизни. На подготовке митинга сосредоточилась главная работа.

По вечерам я иногда встречал Рославлева. Сидя на скамейке городского сада и поглядывая на заводное кружение уездных парочек, Рославлев бурчал:

— Выпустит нам кишки, старик. Вот погоди еще немножко, — подадут генералы друг другу руки, с юга, с запада, с востока, сожмут кольцо, и пойдет из нас сало. Одна Москва против всей России — тяжело, старик...

Он проводил рукою по своей черной толстовке, от бороды вниз, по груди, животу, ощупывал и обмеривал себя, словно прикидывая, много ли из него выйдет сала, когда придут генералы и начнут жать.

— Тут никакой конницей не поможешь. И потом — какая ты, старик, конница? Ерунда, ты, старик, а не конница...

Скоро состоялся митинг. Прошел он гораздо многолюднее, чем мы ждали. Театр был набит людьми. Говорились речи. В то время ораторский стиль был совсем иной, чем позже. Колосов декламировал с необыкновенным искусством, но страшно отвлеченно, с призывами ко всяким свержениям, баррикадам, дерзаниям и взлетам. Это был чистейший «космизм» Пролеткульта. Но тогда он еще производил эффект, и слушатель поражался: «Вот эт-то—да-а!».

Был создан большой под'ем. Не помню, было ли заранее условлено или пришло внезапно после речей и призывов, но когда приступили к записи добровольцев, первыми записались товарищи, которые вели всю кампанию и выступали на митинге. После этого перед столом на сцене, где заседал президиум митинга, образовалась целая толпа «кавалеристов», возбужденно расписывавшихся на общем листе.

Успех оказался большим. «Полка» мы, конечно, не образовали, но добровольцы насчитывались десятками, среди них — настоящие кавалеристы, способные заняться делом по-военному.

Однако тут обнаружились все трудности задуманного предприятия. Материальные возможности для сформирования отдельной части равнялись почти нулю. В Сызрани стоял в то время сводный пехотный полк — непомерно разбухший, разнородный по качеству красноармейцев. На его примере было видно, насколько мучительны стали вопросы снабжения армии оружием, обмундированием, продовольствием да решительно всем, что хоть как-нибудь было нужно армии. Красноармейцы обучались стрельбе в очередь, так как нехватало винтовок, целые роты оставались без обуви и разгуливали в таких одеяниях, что командиры старались не слишком часто показывать свое войско населению.

Получалось странное положение: были люди, торжественно заявившие о своем желании воевать против белых, по возможности воевать не было, и афоризм Рославлева мог повторить любой обыватель: «Какая, ты, старик, конница? Ерунда, ты, старик, а не конница!».

События подсказали выход. На всех фронтах требовались пополнения, не менее оружия необходимо было желание воевать, добиться перелома в военной обстановке. Не все ли равно, каким путем будет найдено применение нашим «кавалеристам»? Ведь все они пожелали вступить в армию, сядут ли они в седло или нет — от этого их желание не может измениться. Решено было включать добровольцев в отдельные группы товарищей для отсылки на фронт. Вскоре первая такая группа была отправлена в распоряжение Москвы. В числе других ее участников находились Михаил Субоцкий и я.

Так кончил свои дни сызранский добровольный кавалерийский полк. По крайней мере мне ничего не приходилось больше слышать об этом предприятии, возникшем на очень добрых намерений, но без годных средств...

Перед моим от'ездом Рославлев виделся со мной. Он уже ходил в пальто — стояла осень — и был похож на Ахиллу из лесковских «Соборян». Теребя длинную витую, как булка, бороду, он поощрял меня уныло:

— Ну, что ж, старик, валяй, валяй...

Ему было грустно. Но скорее по привычке, чем ради шутки, он сказал, прощаясь:

— Ты бы, старик, перед уходом аванс мне выписал...

Н. Плиско

„КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ“ Л. СОБОЛЕВА

В истекшем году закончены печатаньем в журнале «Локаф» первая и вторая части романа Леонида Соболева «Капитальный ремонт».

Уже в этих двух частях угадывается замечательный по своей значимости творческий замысел молодого автора, выступающего, повидимому, впервые с широким эпическим полотном.

Тема романа — империалистическая мировая война 1914—18 годов. Этот период истории человеческого общества еще долго будет привлекать внимание историков, социологов, экономистов, военных работников, писателей и поэтов, ибо мировая война означала, по выражению Ленина, «величайший исторический кризис» и открыла «начало новой эпохи».

Первая и вторая части «Капитального ремонта» посвящены изображению капуна империалистической войны (май—июль 1914 г.).

Пловучая крепость — линкор «Генералиссимус граф Суворов-Рымникский», Гельсингфорс, Петербург, высшее командование, морские офицеры, матросы, воспитанники морской школы, гардемарины, адвокаты, студенты, рабочие, большевики, эсеры, российское время, водка, деньги, война, Пуанкаре, «Марсельеза», двуглавый орел — художественные образы романа Л. Соболева.

Война, подготовлявшаяся империалистическими странами десятки лет, война за рынки сбыта, за монополию и сверхприбыли, прикрытая лживыми, но высокопарными словами: «защита отечества», «родина», «за веру, царя и...», «великая освободительная национальная война», — к июлю тысяча девятьсот четырнадцатого года стала непременным фактом. И перед подлинно революционным, пролетарским художником, берущимся за эту тему, вырастает грандиозная задача: именно вскрыть истинный смысл этой войны, сорвать маски с действительных ее виновников, правдиво рассказать о людях, явившихся непосредственными участниками этой войны, обнажить политические пружины империалистических правительств, показать, как война является продолжением той же политики, сменившей лишь, по выражению Клаузевица, «перо на меч».

За разрешение этой задачи средствами искусства взялся Леонид Соболев. В центре повествования одно из важнейших орудий российской империалистической политики — царский флот, подготавливаемый к войне.

Какими же путями на сравнительно узком и ограниченном участке решает Соболев указанные выше задачи?

«Как всякий кризис, — пишет В. И. Ленин, — война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнить авторитеты»[1] Автор романа показывает, как на протяжении этого времени нарастают и постепенно выходят наружу противоречия. На «Генералиссимусе» автор приводит читателя два раза (в начале романа в мае 1914 г. и в июле того же года), и эти противоречия, загнанные раньше вглубь, теперь начинают пробиваться наружу.

Рабочие, крестьяне, одетые в формы матросов, вступая в размеренный во времени кругооборот жизни военного корабля, должны стать частью этой машины, они должны забыть свое прошлое, перестать быть людьми, превратиться в бездушные придатки механизмов, которые обслуживаются ими. Многие из них навсегда забывают о том, откуда они пришли, свыкаясь с порядками, муштрой, угнетением.

Тот, который попытается противопоставить свое желание этому размеренному порядку, во многом бессмысленному и опустошенному временем, будет неминуемо жестоко подавлен.

На верхнюю палубу в рабочем платье нельзя показываться. Так говорит устав. А тридцать два кочегара, сменившиеся утром в силу целого ряда обстоятельств, очутились на верхней палубе. За нарушение устава они должны понести наказание. Но они не виновны. Они требуют командира разобрать их дело, продолжая оставаться на палубе. Они делают еще одно преступление, которое квалифицируется как бунт, ибо они не подчиняются приказанию старшего офицера разойтись.

В результате — скорый военный суд, кочегары приговорены на различные сроки в штрафные роты, дисциплинарные батальоны. Порядок восстановлен, жизнь идет размеренно и четко, как она шла раньше.

Но налаженность жизни, дисциплина, исполнение всех приказаний сверху донизу — это только видимость. На линкоре есть люди. Они имеют прошлое, у них свои привязанности, убеждения, свое понимание происходящего. Их классовое сознание не уничтожено здесь, на пловучем железном острове. У них свои антагонизмы и привязанности. И это вдруг с особой силой обнаруживается, когда корабль по приказу генштаба стал готовиться к боевому перевооружению.

Ливитин Николай — офицер четвертой роты — в этот период обнаружил в своем вестовом человека. Ему казалось, что вестовому Козлову удобна и спокойна жизнь на линкоре, и он рассчитывал на то, что Козлов останется на сверхсрочную службу. Николай Ливитин поразился «явному наличию свободной воли» у Козлова, его мечтам о том времени, когда он, наконец, вернется в свое хозяйство; предстоящая же война совершенно естественно вызывает в нем опасения за сохранность сельского хозяйства; ему вовсе не хочется воевать. Человека увидел Ливитин в этот же день и в матросе Кострюшкине. «Кострюшкин, бестолковый гальванер и неловкий матрос, обращается с хитрой пневматикой свободнее, чем в башне со своими рубильниками». Кострюшкин оказался в прошлом хорошим рабочим, а здесь плохим матросом.

Но и в среднем командном составе царской армии не было полного единства. Соболев художественно ярко отграничивает различные группы офицерства. Антагонизм между пехотным офицером и флотским хорошо показан в первой главе в отношениях Юрия Ливитина — гардемарина — и пехотного штабс-капитана, который «равно не любит офицеров гвардейских полков и офицеров флота», потому что они горды, самоуверены, у них служебная дорога расчищена отцами и дедами. Это — привилегированное сословие.

Но и ряды флотского офицерства не едины, у них также свои антагонизмы и противоречия. Лейтенант Ливитин Николай — циник и опустошенный человек, ничему не верящий. Служит он потому, что это дает ему возможность иметь почет, комфорт, власть, а служба царю, родине — все это разговоры «в пользу бедных»; с другой стороны, карьерист, человек, не останавливающийся ни перед чем для достижения своих личных целей, лейтенант Греве. Морозов — мичман, котельный инженер-механик, заботливый, простой, душевный, не пользуется в их среде уважением потому, что в инженеры флота большей частью попадают люди из разночинцев.

Антагонистические отношения между этим офицерством и высшим командованием обнаруживаются с предельной ясностью в дни, предшествующие об'явлению войны.

Эти свойства высшего командования прекрасно показаны Соболевым. За несколько дней до начала войны обнаружили вдруг, что высокие железные мачты «Генералиссимуса» не приспособлены к боевой обстановке, и их срочно убирают, заменяя деревянными. И это — в тот момент, когда линкор окружают транспорты боевых снарядов, угля, запасов продовольствия, воды. Оказывается, что котлы требуют капитального ремонта, без которого линкор будет не приспособлен к боевой обстановке. Эти обстоятельства вызывают в командном составе линкора плохие настроения. Вспоминается им эскадра Рожественского, Цусима.

«Капитальный ремонт» представляет большой интерес для разрешения вопроса о стиле социалистического реализма. Автор идет несколько необычным путем в нашей реалистической литературе. Он вносит в повествование большие публицистические отступления, делает историко-философские экскурсы, он памфлетизирует свое повествование. Вопросы законности или незаконности подобного метода следует конечно решать в каждом конкретном случае. Помогают ли они выявлению основной идеи романа, органичны ли они в художественной ткани или они затрудняют обнаружение этой идеи, нарушают цельность идейного замысла. Попробуйте вынуть эти куски из «Капитального ремонта». Уберите портрет Пуанкаре, написанный цитатами из газет 1914 года; изымите памфлетное обращение автора к Пуанкаре, зачеркните рассказ о «Марсельезе», историю двуглавого орла, образ революции, описание Петербурга и Гельсингфорса — и роман потеряет всю свою значимость, всю свою боевую направленность.

Но это не значит, что художественное напряжение в романе Соболева равномерно, что сцены и эпизоды его равноценны. Изображение корабельной жизни правдиво, художественно четко и более закончено; в то же время сцены петербургской жизни (семьи Извековых) менее удачны. Автору, видимо, менее знакома эта жизнь, и здесь он более зависит от литературной традиции. Поэтому он вынужден прибегать к пародированию старых произведений (сцена: Наташа — горничная Извековых и Юрий Ливитин).

Установка на глубокий исторический и социальный охват эпохи вызывает у автора свои приемы (историко-философские, памфлетные, публицистические вставки), свои изобразительные средства. Он прибегает к помощи публицистического сравнения, которое соответствует общей направленности повествования. «Этот замечательный гимн («Марсельеза») прошел за столетие позорный путь. Когда-то горячая, как кровь баррикад, и сверкающая, как нож гильотины, «Марсельеза» вела революционные войска против аристократической коалиции».

Эта линия художественной прозы, бесспорно намечает новые пути, свидетельствуя еще раз о сложности и многообразности стиля социалистического реализма.

[1] В. И. Ленин, собр. соч., т. XVIII, стр. 77 (2 изд.).

Иван Рахилло

ЛЕТЧИКИ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Каждое утро над госпиталем с контрабасовым гудком пролетали самолеты. Андрей не мог хладнокровно слышать этого гуденья: он начинал ненавидеть и койку, и простыню, и белую безжизненную тумбочку, запах лекарств становился омерзительным, ему непонятна была профессия врача и сестры милосердия, которые всю жизнь проводили в этих спокойных палатках. Хотелось сорвать повязку и бежать без оглядки туда, в ангары, к ребятам, где так приятно пахнет грушевой эссенцией эмалита, где перегорелая касторка, бензин, тряпки, стремянки, простор и—ветер, ветер — остервенелый ветер, наотмашь бьющий по лбу и заворачивающий в глаза ресницы (одно стекло на очках у Андрея было надломлено, и туда постоянно задувала острая струйка ветра, но он не менял очков и даже гордился этой мальчишеской отвагой перед другими: «Вот, мол, я какой — хоть совсем без очков могу летать... если бы, конечно, не инструкция!»).

Во время перевязок он приставал к врачу с нетерпеливым одним и тем же вопросом:

— Скоро ли вы меня выпустите на волю?..

— Нетерпеливость — отрицательная черта для летчика. Вас, батенька, с таким характером попрут из авиации.

Андрей ненавидел врача. Лежать уже надоело, от безделья он взялся было за роман, но скоро отложил книжку в сторону; он предпочитал читать техническую литературу и преимущественно авиационную. Но таких книг читать не разрешали. Единственным и настоящим развлечением был сосед по палате, старый летчик Волк. Его обветренное лицо, узкое и скуластое, было иссечено множеством морщин, но это не были морщины старости, они вели свое происхождение от других чувств, свойственных молодости—смеха, настойчивости, упорства и юношеского разочарования. На Андрея Волк смотрел снисходительно и разговаривал только от собственной скуки. С замиранием сердца ожидал Андрей этих рассказов. Волк выражался односложно, нехотя.

— Вопрос о притяжении к препятствиям в медицине пока не освещен. А тебе знать надо... Я из-за этого потерпел аварию. Это четвертая в моей жизни, но еще не последняя... — уверенно заявил он. Андрея покоробило от этой уверенности: летчик нового поколения, он смотрел на эти вопросы иначе. Авария в его представлении связывалась с деньгами, деньги отпускались страной, а страна...

— У меня сдал мотор. Высота была. Планирую. Кругом поле — садись куда хочешь! И на всем поле стоит одинокая фабричка. И представь себе: сажаю машину и мажу прямо во двор этой самой фабрички!.. Разбился вдребезги... Вылез. Курю. Откуда ни возьмись —фотограф. «Будьте любезны, говорит, залезьте в кабину, я вас там в обломках и засниму!» Поверишь, обратно я не мог влезть — так была смята кабина. Я и не знаю, как выбрался оттуда... Но это мелочь, чепуха, а вот по какому закону я вмазал именно во двор фабрики, а не куда нибудь в поле, не могу понять! Или внимание слишком заострено было?..

В двадцатьтретьем году мы перегоняли ньюпоры в другой город. Со мной на второй машине летел летчик Трошкин. У него забарахлил мотор. Пошел на посадку. А ньюпору сесть — пятачок нужен, машина легкая, сама садится. Кругом природный аэродром — сплошная степь. И только в середине стоит одинокая вековая липа. Да-к он ухитрился сесть как раз на эту липу. Так и остался сидеть, как птичка. Приезжает аварийная комиссия: налево — степь, направо — степь, кругом — степь, а он, видите ли, посадочную площадку себе на дереве разыскал!.. В чем дело? — так и не мог об'яснить...

Волк с романтической грустью глядел в окно и вздыхал:

— Жизнь летчика похожа на детскую рубашонку — она коротка и оборвана...

Это была его любимая пословица. К новым, молодым летчикам он относится свысока.

— Не те! И пить не умеют. И той летной красоты не понимают. А где риск и опасность?.. Отказал саф, и уже не полетит. А на чем мы летали? Помню случай—колесо отвалилось. Теперешний разве полетел бы? А я взлетел. Боевая обстановка. Запаса частей ждать неоткуда. Привязал палку волоком, как к телеге со сломанным колесом, — и давай бог ноги! За мое почтенье: поднял машину, как бокал!..

Он вынимал из бумажника открытку и неотрывно глядел на нее. На открытке в густых дымных тучах скользил самолет. В передней кабине сидел, стремительно согнувшись, пилот с черными французскими усиками, а сзади — скелет, держа над головой пилота лавровый венок, костлявым пальцем указывал ему путь.

— Летай иль ползай —
Конец известен:
Все в землю лягут,
Все прахом будут...

Так-то, желторотый!

В выходной день ребята всей оравой пришли в госпиталь навестить Андрея. Каждый торжественно нес подарки: кто печенье, кто папиросы, кто конфеты, а Гаврик — книгу стихов.

— Возьми, — сказал он бесхитростно, — все равно валяется. Тебе тут делать нечего, читай-почитывай!.. А я стихов не люблю.

— А ты спроси, с каких это пор он перестал стихи любить?

— Расскажи, расскажи!

Гаврик охотно сплюнул в ладони и потер их, словно собрался рубить дрова.

— Может, не стоит? Как ребята, может, не стоит? — справился он мрачным, заржавленным басом.

— Дуй, дуй, чего там! Нам тоже интересно.

— Ладно. Дело, значит, было так: дежурил я по школе. Скучно. Сидел-сидел; дай, думаю, сочиню чего-нибудь! Хотелось выразить чего-нибудь про летное ремесло. Взял бумаги и сел. Сижу, как заправский поэт, карандаш грызу с задумчивостью. Грызу и грызу. Грызу и грызу. Половину с'ел — ни черта не получается! Но тут ночь на подмогу подошла. А ночь была, у-юй-юй, как в Африке! Звезды большие. А луна? Невозможная! Гляну в окно — и невозможно... Начал писать. Первая строчка получилась скоро:

— Ночь темна. А я сижу — дежурю...

Никак дальше рифму не подыщу. «Дежурю, журю, пурю, турю, каратурю» — и все какие-то неизвестные слова подвертываются. Наконец, нашлось такое словечко. Начал прилаживать. Бочком, бочком и в кабачок... Вышла и вторая строчка. Не заметил, как и ночь прошла. Утром сдал дежурство, отпросился в город — и бегом в редакцию. До редакции-то бегом, а там тихо вошел. В коридоре оправил ремень, откашлялся и вхожу... Сидит, эдак, такой луй-валуй. В очках. А стекла-то, как я разглядел, простые — надеты для фасона. «Садитесь, — говорит, — товарищ!» «Ничего, — говорю, — я и постоять могу». — «Заметочку принесли?» — «Нет, — отвечаю, — стих сочинил». — «Стих?!» Тут он сразу и стих. — «А, ну, покажите». «Я, — говорю, — лучше сам прочту!» И давай ему, не сходя с места.

Ночь темна. А я сижу дежурю...
Школа спит, но не волнуется,
ведь сторож есть.
И если буржуи поднимут только
бурю:
Все, как один, ответят: есть!..
Мы самолеты выкатим с ангара,
Захватим быстро пулемет и
диск —
Взлетим над западным пожаром:
— Теперь, буржуи, берегись!
Ну, а пока лечу лишь в воображенье,
Мы учимся, мозгуем головой...
Прищурившись, со стенки смотрит Ленин,
Ночь... Я стерегу Республики
покой!

Взял он, значит, у меня это стихотворение, посмотрел и говорит: «Содержание есть, а форма слабая. Форма на первом месте должна быть. А у вас рифма бедная: Ленин — воображенье... Вот, говорит, какой-то там поэт известный сочинил, у него: Ленин — колени. Вот это, говорит, богатая рифма. А вы,—спрашивает,—моих стихов никогда не слышали?—«Нет, — говорю,—не слыхал». «Ну, тогда послушайте!» И давай, сукин сын, читать. Часа два. Мне спать охота, ночь, дежурил, а он не останавливается. «Вы, — спрашивает, — замечаете, какя у меня тонкость, например, ход поезда как изображен: колесо к колесу, колесо к колесу!.. Вот так надо сочинять!» Я слушаю внимательно, а сам думаю: ах, ты луй-валуй!

Пришел домой и стал думать. где бы себе такое колесо разыскать? На самолете они не стучат. Отчего, думаю, самолет по рельсам не ездит? Тогда б легко было Думал-думал и нашел. У меня как раз две посадки плохо вышли, одна—недомаз, другая — перемаз. Я пока четыре строчки сочинил:

Налево — море,
Направо — Кавказ,
Недомаз — перемаз,
Недомаз — перемаз!

Андрей вытирал концом одеяла выступившие от смеха слезы. Прибежала сиделка:

— Товарищи, тише. Вы же не в театр пришли.

— Ладно, ладно... А причем тут налево—море, направо—Кавказ? — шопотом спросил Андрей.

— А это к тому, чтобы во время посадки по бокам не глядел...

Андрей узнал от ребят приятную новость: школа раз'езжалась досрочно в отпуск. На целый месяц.

— Неужели на месяц? Вот хорошо. Поеду домой, голова заживет, и кончим курс вместе.

— Ты, гляди, не подкачай, вылечивайся!..

Андрей распрощался с товарищами. Ступая на носки, они осторожно вышли из комнаты. На смену им в палату тихо вошел вкрадчивый вечер, неся полную охапку радости, размышлений и снов. Андрей ощущал приятное вспыхивание пульса в висках, туго стянутых бинтами. И когда он закрывал глаза, то получал полное впечатление морского теплого прибоя. Андрей вырос на побережье. Впечатление от этой несуразной и головокружительной бесконечности связывалось с дымом его мальчишества, когда он мечтал стать летчиком. Эта восторженность перед профессией человека, который по желанию, как голубь, как любой воробей, может взмыть над крышами и лететь в любом направлении, не оставляла его и теперь. Опасность того, что из-за этой раны он никогда, никогда в жизни не сорвется со старта, не будет управлять машиной, наполняла его нечеловеческим желанием выздороветь. Все мысли, вся воля, все напряжение организма, работали в одном направлении: выздороветь, выздороветь, выздороветь...

Палата теряла свои углы и делалась мягкой и облачной: так самолет входил в туман...

МОЛОДЫЕ БОЙЦЫ Н-СКОГО АРТПОЛКА ОВЛАДЕЛИ ТЕХНИКОЙ НАВОДКИ ОРУДИЙ. НА СНИМКЕ—АРТИЛЛЕРИСТ У ПАНОРАМЫ. НАВОДКА ОРУДИЯ.

П. Свирин

НА ПУТИ к значительному произведению

О „Тяжелом дивизионе“ А. ЛЕБЕДЕНКО

Ощущение исключительного богатства интереснейшего материала, который «бродит», который сам просится на бумагу, прежде всего испытываешь при чтении большого произведения А. Лебеденко об империалистической войне («Тяжелый дивизион»).

Правда, материал книги неравноценен в идейном и художественном смысле. Страницы, изображающие студенческий мирок довоенного Петербурга, глухой городок Горбатов и его обитателей, родных и знакомых Андрея Кострова (главного героя), женщин, встречающихся на его пути, воскрешают в памяти нудные сентиментальные романы Шеллера-Михайлова. Но как только автор подходит в теме самой войны, голос его крепнет, он находит нужные, точные слова, яркие краски, смелые, уверенные штрихи.

Лебеденко — писатель сдержанный, уравновешенный, писатель внимательного наблюдения, трезвого анализа, а не взволнованного, напряженного чувства. В его спокойном, ровном голосе редко слышатся отзвуки негодования, злобы, ужаса — всех тех чувств, которые ему пришлось пережить на фронте. Рассказывает он медленно, неторопливо, последовательно и методически развертывая громадное полотно империалистической войны, тщательно зарисовывая подробности боев, походов, своеобразного фронтового быта. Порой кажется, что писатель перегружает свое повествование излишними деталями, которые загромождают книгу, затушевывают главные ведущие линии. Впрочем, эта манера «детального реализма» (употребляя выражение самого автора) продиктована тем, что идет от богатейшего жизненного опыта, пытаясь, конечно, обобщить и осмыслить этот опыт. Отсюда — избранная автором форма показа войны «снизу, изнутри», с периферии. Отсюда же — упор на освещение тех сторон войны, которые ему ближе всего знакомы.

Лебеденко интересует, главным образом, **война как своеобразный быт и война как школа перевоспитания людей** — необычайная школа, где профессорами и доцентами являются генералы и офицеры, лабораторией служат пустынные поля, изрытые окопами и снарядами, а материалом для опытов — живое солдатское мясо. И завесу над сущностью, над тайными пружинами войны Лебеденко приподнимает не сразу, а постепенно, в меру прояснения сознания своих героев, **т. е. так, как это происходило с ним самим и с теми людьми, которых он наблюдал на фронте.**

Не случайно также главным об'ектом этой перестройки в школе войны автор избрал мелкобуржуазного интеллигента, вольноопределяющегося из студентов, Андрея Кострова. Это — центральный образ романа, организующий все произведение, ибо война дается почти исключительно теми своими сторонами, с которыми соприкасается Андрей. При этом, каждое событие на фронте, каждый этап войны являются в то же время и этапами перестройки Кострова.

Костров — сын провинциального судейского чиновника, немножко либерал, но, вообще, говоря, человек очень далекий от политики. Он — один из типичнейших «детей реакции» эпохи 1906—1914 годов. Бальмонт, Блок, Сологуб, Гумилев, Метерлинк, Мережковский, Роденбах — вот властители дум этого поколения буржуазных, дворянских и чиновничьих сынков.

Война и громкий шовинистический лай газетных борзописцев пробуждают Андрея и тысячи ему подобных «молодых человеков» к активной политической жизни, подогревают патриотические настроения, воскрешают в памяти гимназические воинственные увлечения. Естественный результат этого процесса — поступление добровольцем в действующую армию.

И вот на фронте, под ударами тысячетонных молотов войны, разлетаются вдребезги многие наивные юношеские интеллигентские представления о войне, о жизни, и куется постепенно новое сознание, новый взгляд на мир. Андрей очень быстро убеждается на собственном опыте, что война — это совсем, совсем не то, что рисовалось его наивному воображению, подогретому на примусе патриотической пропаганды. Генералы и полковники уже не гарцуют на белых конях под огнем неприятеля. А если и встречаются еще такие идиоты — вроде инспектора артиллерии, помпезно выскочившего со своим штабом на разведку — то огонь современных пушек быстро приводит их в «чувствие». Знамена уже не развеваются перед полками, идущими в атаку в сомкнутых колоннах под музыку оркестров. Их возят в обозе. «Знамя, братишечка, теперь с полками не гуляет, —говорит Андрею усатый фельдфебель. —Это при Австерлицах со знаменем в бой ходили. Теперь давно все русские знамена были бы у немцев, а все немецкие — у русских».

Вернувшись домой, Андрей не может вспомнить ни одного «подвига», хоть мало-мальски похожего на патриотические лубки.

Что же такое война?

Война — это прежде всего тяжелые, нудные, грязные будни, разоренные деревни и пылающие города, всеобщее одичание, болезни, вымирание. Война— это утомительные походы, ночлеги на сырой, холодной земле, вши, непрестанно грызущие тело, животный страх смерти под пулями и снарядами, звериная тоска по дому, по женщине, пьянство, картеж и мелкий карьеризм офицеров.

Вместе со всей армией Андрей проделывает длинный путь позорного, беспорядочного, панического отступления из Царства Польского. Он убеждается на собственном опыте в гнилости, тупости, бездарности, военной отсталости самодержавия и его слуг, в неспособности их организовать победу. **Царизм должен быть разрушен.** Вот вывод, к которому он приходит. Но для чего? Для того, чтобы прекратить преступную войну и поднять знамя пролетарской революции? Отнюдь нет. По глубокому и меткому выражению т. Сталина на XVI с'езде партии, «либеральная буржуазия и союзный капитал хотели маленькой революции для большой войны». И Андрей Костров, несмотря на всю свою оппозиционность по отношению к царизму, твердо стоит на позициях необходимости продолжения войны «до победного конца». Он мечтает о том, что новые, демократические знамена «проведут полки через Берлин к Босфору, выведут на океанские пути. Новые знаменосцы перестроят жизнь внутри страны, поднимут колонны Таврического выше Зимнего и сроют стены третьего отделения».

Таким образом, эволюция Андрея отражает эволюцию настроений либеральной, кадетствующей буржуазии, которая «в ходе войны разочаровалась в царизме. Она думала, что царизм даст ей возможность завоевать новые земли... Но она ошиблась: царизм и его войска не смогли даже оградить границы и отдали противнику 15 губерний. Отсюда — измена либеральной буржуазии царизму» (Сталин).

Правда, под впечатлением разговоров с нежелающими воевать солдатами и с большевиком-земгусаром, которого Андрей случайно встречает на фронте, ему иногда закрадывается в голову мысль: а нужна ли вообще эта война? Но «эти мысли возникали незванные, нежелательные». Патриотические идеи все еще были очень сильны. Однако читатель чувствует, что Андрей не остановится на данной стадии, что его перестройка пойдет дальше.

Такой показ войны (снизу, с периферий, через перестройку мелкобуржуазного интеллигента) представлялся, конечно, наиболее легким и приемлемым для данного писателя и обусловил многие сильные стороны произведения т. Лебеденко. Сила этой книги в том, что автор сумел дать яркие, талантливые, правдивые картины фронта, в которых чувствуется биение подлинной, полнокровной жизни, которых не «выдумаешь» и не вычитаешь ни из каких книг, ни из каких первоисточников.

Но вместе с тем показ войны **только снизу имеет свои**, очень слабые стороны и по существу является самым трудным для писателя, который не хочет ограничиться эмпирическим (хотя бы и очень красочным) описанием виденных и пережитых им событий. Этот метод сильно затрудняет автору раскрытие войны в ее наиболее глубоких самых существенных социально-экономических разрезах. Чтобы так раскрыть войну, нельзя ограничиться показом одних лишь полей сражений. Нужно дать и глубокие тылы. Ибо не столько в окопах и блиндажах, сколько в тайниках генштабов и в кабинетах магнатов интернационального финансового капитала можно найти главные пружины войны. Именно по этому пути пошли в самое последнее время некоторые наши писатели (Н. Тихонов в «Войне», Л. Соболев в «Капитальном ремонте», Лавренев и Скопин в пьесе «Жезл маршала Фоша», Вс. Вишневский в «Войне», над которой он сейчас работает).

Можно, конечно, возразить, что показ войны «сверху» не входил в задачу Лебеденко, и нельзя от него этого требовать. Можно указать, что Лебеденко интересовали другие, заслуживающие не меньшего внимания стороны войны: фронтовой быт, перевоспитание людей в школе войны, военная отсталость царизма и т. п. Но и все эти вопросы, обходя основные экономические, политические и стратегические линии, трудно поднять на большую идейную высоту, трудно осветить **по-новому**, не повторяя прежних писателей.

Трудность эта усугубляется тем обстоятельством, что война дается в основном через призму восприятий мелкобуржуазного интеллигента, вдобавок, еще патриотически настроенного. Андрей связывает автора по рукам и ногам, втискивает его в узкие традиционные рамки, обедняет произведение. Писатель крепко привязан к Кострову, Костров же к своей батарее. А наблюдательный пункт этой батареи открывает перед ним все же очень и очень узкие горизонты. В самом деле: люди, выведенные в книге — это почти исключительно **офицеры и солдаты тяжелого дивизиона**, в котором служит Костров. А солдаты эти — особого рода: сибиряки, «валдоны», в большинство — крепкие, зажиточные хозяева. Внутренний мир солдат раскрывается лишь в той мере, в какой удается в него проникнуть Андрею. События на фронте — это те события, свидетелем и участником которых был Костров.

При таком построении романа особо трудной и ответственной становится задача автора умело корректировать восприятия своих далеко не революционных героев, умело повертывать к читателю события и факты их истинной стороной, чтобы не скатиться в голую, сухую публицистику авторских рассуждений и пояснений. Писателю нужны были какие-то **опорные точки**. А вот этих-то опорных точек в первой книге как раз и нет или почти нет. На солдат опереться трудно: они сами еще в «приготовительном классе» войны, их отрицательное отношение к войне пока еще стихийное. Они еще сами не видят главных виновников своих безмерных страданий, не видят революционного выхода из империалистической бойни. А настоящие революционеры-пораженцы (солдат Тарасий Корнилов и земгусар) появляются лишь в самом конце книги и то на короткое время. При такой композиции произведения автору было очень трудно реализовать в художественных образах правильное понимание войны (оно только намечено), трудно было пронизать этим пониманием все стороны, все события, все картины фронта, подняться до больших обобщений.

Трудности и недостатки пути, который избрал т. Лебеденко, и обусловили многие слабые стороны его произведения. «Тяжелый дивизион» не столько начинает новую линию в разработке темы империалистической войны, сколько завершает старую. Война у Лебеденко оказалась в значительной мере оторванной от породившей ее политики, а царская армия — от породившего ее государственного строя. Поэтому, например, критика военной отсталости царизма не отличается у тов. Лебеденко особой глубиной, уступая в этом отношении даже произведениям Вересаева и Войтоловского, которые очень далеки были от марксистского подхода к войне.

Один из крупнейших недостатков книги Лебеденко состоит в том, что в разоблачительных страницах его произведения порой слышатся нотки либеральной, а не революционной критики царской армии. Вполне понятно, конечно, что либеральный офицер Алданов и близко к нему стоящий Андрей Костров направляют весь огонь своей критики именно на царские методы ведения войны и организации армии. Большего от них нельзя ожидать. Но плохо, что голос автора местами почти сливается с голосами Алданова и Кострова там, где они с либерально-буржуазных позиций критикуют царскую армию (бои у Перииллора, Брест и т. д.). Местами создается такое впечатление: «эх, будь у нас снаряды и патроны, будь поумней и поспособней русские генералы — расколошматили бы мы немцев!» Автор в этом важнейшем вопросе оказался в значительной мере в плену традиций прежней разоблачительной военной литературы.

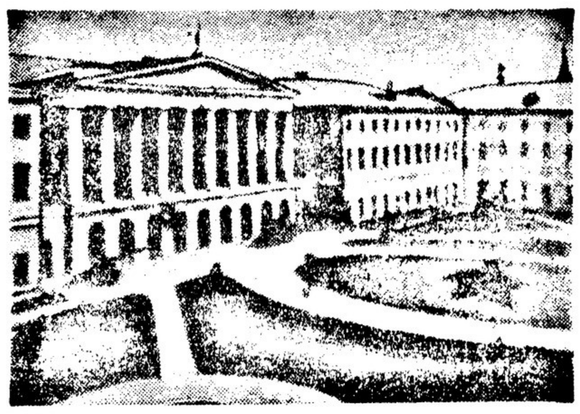
Вообще тот метод показа войны, который применил т. Лебеденко, значительно затрудняет и преодоление формальных традиций прежней военной художественной литературы. Так, например, то разоблачение батальной романтики и официальной военной «героики» штабных приказов и патриотических лубков, которому Лебеденко уделяет очень много места, внимания, красок, не является чем-то совершенно новым в литературе. После произведений Л. Толстого, показавшего войну «не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а войну в настоящем ее выражении—в крови, страданиях и смерти»[1], после описаний войны в произведениях Гаршина, Глеба Успенского, Вересаева, после ярких страниц Барбюса, Войтоловского, Фурманова («Дневники») — батальные и военно-бытовые сцены в «Тяжелом дивизионе», несмотря на их красочность, живость, талантливость, воспринимаются все же как повторение старого. А эти сцены могли бы зазвучать по-новому, если бы были органически пронизаны центральной идеей, звучащей как лейтмотив — идеей грабительской сущности империалистической войны. Намек на это «новое», несомненно, имеется: в картинах фронта, данных т. Лебеденко, нет пацифистских стонов и терзаний. Но этот намек не развернут до степени основного тона, окрашивающего все произведение.

Думается все же, что, и показывая войну только снизу, автору следовало проявить больше смелости в использовании революционных персонажей в своем произведении. Конечно, люди, имевшие в 1914—1915 годах ясный взгляд на войну, были в армии исключением. Но типическое не всегда означает количественно преобладающее. Революционеры-пораженцы были в то время одиночками. По такими одиночками, которым принадлежит будущее. Речь идет не о введении в произведение каких-либо дополнительных фигур; нужно было лишь повысить роль и значение уже имеющихся персонажей (Петр, солдат Корнилов, земгусар). Да и только ли через образы революционеров можно раскрыть многие существенные стороны войны и капиталистической действительности?

«Тяжелый дивизион» — незаконченное произведение. Это только первая книга задуманного автором большого полотна. Лебеденко имеет возможность во второй книге многие важнейшие стороны империалистической войны развернуть гораздо глубже, полнее, ярче и оригинальнее. Если автору это удастся, его произведение будет одним из наиболее значительных произведений нашей литературы об империалистической войне.

[1] «Севастополь в декабре месяце».

5 лет ЦДКА



В день десятилетия Красной Армии — 23 февраля 1928 года — на фронтоне старинного здания — бывшего института благородных девиц — была выведена большими золотыми буквами надпись:

«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ КРАСНОЙ АРМИИ ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ».

Идея создания в Москве Центрального Дома Красной Армии принадлежала М. В. Фрунзе, после смерти которого Реввоенсовет СССР постановил увековечить его память постройкой в Москве Дома Красной Армии. В этом году ЦДКА празднует ПЯТИЛЕТИЕ своей массовой военно-политической и культурно-просветительной работы среди начсостава и политработников РККА. За короткий срок своего существования ЦДКА создал в своей системе ряд крупнейших военно-учебных, культурно-политических учреждений.

С момента открытия ЦДКА в нем существует БИБЛИОТЕКА, СТОЯЩАЯ СЕЙЧАС В РЯДУ ЛУЧШИХ БИБЛИОТЕК СССР, одна из первых в Москве открывшая доступ читателю в свое книгохранилище. Литературные вечера, посвященные популяризации классической и современной русской и иностранной литературы, или вечера, посвященные разбору произведений того или иного писателя, являются одним из постоянных методов работы библиотеки с читателем.

К концу 1928 года был открыт в ЦДКА МУЗЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ, перевезенный сюда с Воздвиженки. Музей вырос. Его пропускная способность — 200 тыс. человек в год. В нем собраны исключительные по ценности исторические материалы о гражданской войне и Красной Армии. Работа музея выходит далеко за пределы здания ЦДКА и даже за пределы Москвы. Многие советские писатели, чьи произведения в той или иной степени отображают гражданскую войну и жизнь Красной Армии, не обошлись без помощи музея. «Первая конная» Вс. Вишневского, «Россия кровью умытая» Арт. Веселого, «Кометы возвращаются» Матэ Залка работались на материалах музея. «Разгром», «Мятеж», «Чапаев» возникли на театре не без участия работников музея и его материалов. На материалах о Первой конной армии, собранных музеем, работает С. Мстиславский. Р. Азарх пользуется материалами о V армии для своей новой работы. Музей является сейчас центральным источником иллюстративного материала для «Истории гражданской войны».

От нашего корреспондента

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

„Клинки и тачанки“

В новой книге Тихонова «Клинки и тачанки» собраны рассказы о двух армиях — Красной армии (цикл «Клинки и тачанки»), и армии царской (цикл «Военные кони»). Сопоставление—на ярких, художественно-убедительных примерах — армий двух эпох, армий разных классов — удачная идея. Она осуществлена Н. Тихоновым с присущим ему мастерством.

Обсуждение книги на литдекаднике военкомиссии оргкомитета пока что единственный развернутый разбор военных рассказов Н. Тихонова. О «Клинках и тачанках» высказался ряд писателей, критиков, кружковцев (Амстердам, Брыкин, Князев, Дьяконов, Л. Соболев, Костарев, Лапинский, Свирин и др.). Если суммировать прения, общий итог будет весьма значительным, тем более, что многие ошибки, приписываемые некоторыми критиками книге, при более внимательном рассмотрении из «отрицательных чисел» превращались в «числа мнимые»...

— Большинство произведений о современной Красной армии — признает т. Н. Свирин — в основном является материалом, говорящим не столько о РККА, сколько о личных впечатлениях писателя. Н. Тихонов в «Клинках и тачанках» сумел показать классовое лицо нашей армии, классовую сознательность красноармейцев,—то, что коренным образом отличает РККА от других, армий. Вся ткань его военных произведений организует в этом отношении читателя. Другой идейный стержень рассказов Н. Тихонова — вопрос о военной технике. Эти рассказы приобретают особое значение, если вспомнить высказывания т. Сталина и т. Ворошилова о техническом переоснащении Красной армии.

Упреки некоторых критиков в якобы «недостаточной философской нагрузке» книги Н. Свирин считает лишь недоразумением, основанным на... невнимательном чтении рассказов Н. Тихонова. Несостоятельны и такие замечания, что, мол, тот или другой поступок героя рассказа не соответствует такому то пункту устава! Нельзя же подходить к художественному произведению, как к воинскому уставу. Этим критик может толкнуть писателя на лакировку. Правдивость «Клинков и тачанок» обусловливает художественность произведения. Художественная сторона рассказов сильна и сюжетностью.

В рассказах Н. Тихонова, как на боевых тачанках, нет ничего лишнего, все служит боевым задачам. И эпизод с игрой красноармейцев на бильярде, с первого взгляда не имеющий отношения к рассказу о маневрах, оказывается важным и нужным, когда Тихонов за таким же зеленым столом бильярда показывает жестокое, тупое, чванливое лицо царской армии. И маленький эпизод с красноармейцем, спящим на голом полу, но не трогающим необмолоченный хлеб, приобретает огромное значение, когда вслед за ним Тихонов вспоминает картины грабежей в царской армии.

В «Клинках и тачанках» имеются очень ответственные строчки декларации писателя:

«Я люблю Красную армию. Она армия нового человечества. В ней нет лжи. Она армия революционного искусства. В ней нет рутины...».

Эти декларативные строки автора оказались крепко спаянными с художественным произведением. Вся книга Тихонова оправдывает и подтверждает его декларативное отступление.

В «Клинках и тачанках» имеются, разумеется, срывы. Тот же Н. Свирин, давший чрезвычайно положительную оценку книге, с основанием видит некоторую схематичность в показе командира («Синий командир»). Но в целом— считает ленинградская критика—«клинки и тачанки» это серьезное произведение большого писателя о современной Красной армии.

Менее удовлетворен книгой сам писатель. «Клинки и тачанки» — заявил Н. Тихонов — для меня только «авангардный бой» для изображения Красной армии...».

Б. РЮТ.

Мих. Голодный

Болтунбилльяне

*Отрывок из поэмы „Романтическое путешествие“ *)*

В городе Болтунбилле
— Который год! —
Конференция болтунбилль-
ян идет.
Над городом
Эмблемы болтунбилльян
Бог, Собственность, Семья.
У болтунбилльян
Висят языки
Двенадцать
Сантиметров длины,
И сразу
При слове «большевики»
На них закипает
Пена слюны.
Мое — кричат
Они — мои!
Моя кровать!
Моя семья!
Мои хлеба!
Моя свинья!
Моя корова!
Жена моя!
Виват — радуйтесь —
Болтунбилльяне!
Новый год
Вас не обманет.
Болтунбилльяне,
Христиане,
Виват!
Да здравствует процветанье!
От Франции — делегат,
От Британии — делегат,
От папы римского —
Ладзинни легат.
Барон фон Бер-Босс
И Герр-Демократ
С ученым Мумме
Рядом сидят.

———

«Милорды.
Первый вопрос — о Семье.
Будет докладывать
Профессор Мумме».
На павлина
Похож в полутьме.
Речь начинает
Профессор Мумме.
— Гип! Гип!
Да живет процветанье!
Профессор Мумме
Нас не обманет!
Болтунбилльяне,
Христиане,
Открывается заседанье.
Милорды,
Доклад на живом материале.
Цифры представил
Коллега Бер.
Быт и семья в
В Мариентале[1].
Он рядом,
Беру его как пример.
На тысячу — в городе
Двадцать семь —
Работают молча,
Не зная зачем.
Все остальные
Пять лет без работы.
Плодят кретинов,
Растят идиотов.
Люди там ходят
Еле-еле,
Чтоб не сносилась
Рубашка на теле.
А те, кому ноги свои
Надоели,
Лежат в постели
По три недели.
Кошачье мясо
Идет на обед,
Собачий жир —
На лампадный свет.
По праздникам сходятся
В скучном споре
Члены лиги
«За крематорий».
Кто высох, как щепка,
Кто страшно распух,
От скуки
Волосы лезут, как пух.
В окна глазея
На вялых мух,
Дети теряют
Зренье и слух.
Не спешат они,
Копошась у руин,
За год был встречен
Бегущий один.
Потом оказалось:
Без признаков речи
Метался по городу
Сумасшедший.
В Мариентале
Не знают газет.
Мыслям мучителен этот бред.
Один журнал —
За пятилетье.
Был обнаружен —
Увы! — в клозете.
Теряются в семьях
Признаки пола,
Встречались их женщины
В наших селах.
Но, к сожаленью,
Убитые ленью,
Они не способны
К деторожденью.
А общий вывод,
А общий дебет?
У нас и у них —
Равно плоховато.
На десять здоровых —
Венериков девять.
На сотню рогатых —
Сотня рогатых.
Милорды,
Спасайте нашу Семью.
Я предлагаю
Мою статью.
Она на опыте
Марионетали
В параграф устава
Вносит детали.
Первое —
Это ручной труд:
Машины — нас к гибели ведут.
Второе:
Согласно всех прав конституций,
Огосударствите
Дома проституции!

———

Гип! Гип!
Да живет процветанье!
Профессор Мумме
Нас не обманет!
Болтунбилльяне,
Христиане,
Продолжается заседание.

———

Двадцать седьмой год.
Тридцатый год.
На улицы вышел
Год тридцать третий.
Растет событий
Водоворот —
У болтунбилльянцев
Спор о бюджете.
Прогресс идет
Полным ходом назад.
На выход из кризиса
Нет надежды.
Скончался от астмы Герр-Демократ.
Болтунбилльянцы.
Заседают как прежде.
Растет на фашистов
Продажа и спрос.
Интеллигенция —
На коленях.
Бер-Боссу сифилис
Вырвал нос,
Болтунбилльянцы
Потеют в прельях.
На глазах у голодных
Топят зерно.
Профиль войны
Встает в тумане.
От желтухи
Ладзинни издох давно.
Болтунбилльянцы
На заседанье.
Перерождаются
В каждой семье,
Хромая буржуйка
Рождает косую.
Сошел с ума.
Меланхолик Мумме —
Болтунбилльянцы
Голосуют.
Европа в сумерках
Рычит от мук.
Наука — в тюрьме.
Искусство — в яме.
Треть делегатов
Без правых рук —
Болтунбилльянцы
Голосуют ногами.
Германия в ранах,
Еле жива,
Идет наступленье
Фашистских партий.
Из ушей делегатов
Лезет трава —
Болтунбилльянцы
Хрипят в азарте.
Гип! Гип!
Да живет процветанье!
Новый год
Нас не обманет!
Болтунбилльяне,
Христиане,
Продолжается
Заседанье.

[1] Город рядом с Болтунбиллем.

*) Поэма полностью идет в журн. «Красная новь».

ПЛЕНУМ ОРГКОМИТЕТА ССП СССР

● 16 февраля утром заседала комфракция пленума Оргкомитета. Вечерние прения открылись выступлением т. Глебова.

● Овацией встречают присутствующие выступление представителя Международного об'единения революционного театра т. Артура Пик.

● После тов. Артура Пик с интересной речью выступает тов. Ник. Погодин.

● На трибуне т. Гронский. Часовая речь его покрывается рукоплесканиями.

Председатель оглашает: — Слово для сообщения имеет т. Стецкий — завкультпропом ЦК партии. А. И. Стецкий, встреченный бурными аплодисментами, отмечает глубокую важность вопросов о драматургии, поставленных на втором пленуме Оргкомитета. Однако, ход работы оказался сниженным групповыми выступлениями по докладу т. Динамова. Затем т. Стецкий сообщает о всесоюзном конкурсе на драматургическое произведение.

● С интересом прослушала аудитория большую речь т. Юзовского, в которой он поставил ряд творческих проблем.

● А. В. Луначарский болен. Его заключительное слово будет помещено позднее в «Литгазете»,—об'являет председатель президиума. Заключительное слово предоставляется т. Динамову.

Для выработки резолюции пленум избрал комиссию, возглавляемую т. Кирпотиным. Принято решение — творческую дискуссию о драматургии, начатую пленумом, перенести на страницы «Литгазеты».

● 17 февраля были заслушаны доклады о работе Оргкомитетов Закавказских республик. Докладчиком от Оргкомитета Грузии выступил т. Эули, от Оргкомитета Азербайджана — т. Ибрагимов, от Оргкомитета Армении — т. Чубарь.

Прения продолжались 18 и 19 февраля. В обсуждении приняли участие тт.: Мицишвили, Долгопольский, Кулиев, Бороздин, Юрин, Бегизев, Бабаев, Коваленко, Назарли Александрович, Меликен, Волькенштейн, Сейфуллина, Буачидзе, Гронский, Субоцкий Л., Мегди Гусейн, Тилы Блы, М. Шагинян, Кикодзе, Абов, Амаглобели, Чиковани, Дузучава, Жгенти.

Вечером 19 февраля был заслушан доклад т. Л. Субоцкого об уставе ССП. В прениях по этому вопросу выступили тт: Роом, Морозов, Никоков, Жгенти и др. Все выступавшие основную установку проекта одобрили. На этом пленум свою работу закончил.

Закрывая пленум, с речью, подводящей итоги проделанной работы, выступил т. Гронский.

● Подробные материалы о пленуме будут печататься в «Литгазете», начиная с ближайшего номера.

Вс. Вишневский

ПЕРЕД РОЖДЕНИЕМ БОЛЬШОЙ ЛИТЕРАТУРЫ о ВОЙНЕ

Так что же мы имеем в литературе о Красной армии последнего пятилетия, о той Красной армии, которая совершила удивительную свою реконструкцию и имеет права на очень многое?

Библиография[1] отвечает: 8 художественных сборников. Все локафовские. Из них 4 изданы в Самаре, Саратове и Краснодаре. В памяти остаются только два: «На страже» и «Красная армия», скомплектованные к 13-й и 14-й годовщинам РККА. Здесь подобраны вещи Асеева, Кольцова, Суркова, Ставского, Малышкина, Новикова-Прибоя, Вашенцева и др.

Итак, это все, что дали стране писатели как отобранные произведения, хрестоматийный материал, который должен быть всюду, в последнем красном уголке Приморья.

Хотя может ли вообще быть такое распространение, если ГИХЛ почитает за максимум тираж в 25.000?! Это при наличии в стране 200.000 колхозов. Только восьмая часть их может случайно достать одну приличную книжку о сегодняшней Красной армии.

Удивительные вещи происходят, если заняться иногда анализом! Я вспоминаю степень насыщения популярными лубочными военными изданиями старой деревни. Скобелев, Суворов, матросы Кошки, рядовые Архиповы заполняли мозги даже бесштанных парнишек...

Как обстоят дела с беллетристическими произведениями (пьесы и стихи о Красной армии многомудрыми издателями и редактором Я. Е. Киперманом — запомните. Я. Е. Киперманом—из обзора изгнаны, с учета сняты)?

Беллетристических (и очерковых) произведений дано в 1928—32 годах сто шестьдесят восемь. Это число достаточно утешительное. Однако и тут происходит отсев. Прежде всего отпадают явно негодные книги: «Краткосрочники» и «Школа» Куклина, «Военкоры» Федотова и еще две-три книжки.

Из оставшихся ста шестидесяти двух произведений большинство является журнальными очерками, рассказами и фрагментами. Это — основной материал журналов «Локаф» (ныне «Знамя») и «Залп». Каков тираж их и какова установка?

7.000 и 3.900 экземпляров — установка на актив.

Сколько же книг, полновесных книг, дали писатели о быте Красной армии сегодняшней поры?

«Эскадрон комиссаров» Гапибесова; «С винтовкой и книгой» Исбаха; «Ромб» Карцева; «Сбитая мушка» (юмористические рассказы) Квасницкого; «Уменьшенным зарядом» его же; «На разбеге» и «С постоянного прицела» (юмористические рассказы) Князева; «Комрот Всеволов» Маркова; «Молодняк» (очерки) Митницкого; «Бригадная роща» (роман) С. Михайлова; «Короткая очередь» Михалевича; «Дни ударные» Хромова; «Повесть о «Стрелке» Чибисова.

Вот все, что отнесено к первому, главному разделу обзора «Жизнь и быт». Вниманием пользуются четыре из названных книг: «Бригадная роща», «С винтовкой и книгой», «Эскадрон комиссаров», «Ромб». Итак — четыре книги о Красной армии первой пятилетки.

Что имеется об учебе, ударничестве, соцсоревновании? (Выделение этих понятий в особый раздел библиографического обзора—вещь явно ошибочная).

«Вы будете призваны» Марьенкова; «Седьмая батарея» Н. Михайлова; «Пулеметчики» Сорокина; «Клинки и тачанки» Н. Тихонова.

О маневрах.

«Звездный сбор» Я. Калныня, «Звездоносцы» М. Кольцова.

О пограничниках.

«У подножья смерти» Лукницкого.

Об Особой краснознаменной дальневосточной армии.

«Смерть Ли-Чана» Карцева; «Граница на замке» Костарева; «Записки красноармейца-дальневосточника» Лицмана; «На удар двойным ударом»—сборник, изд. в Новосибирске; «Особая дальневосточная» Пожарского.

О Красном флоте.

«Бойцы и корабли»—альманах Балтфлота; «Через океан и шесть морей» (о заграничном походе 1929-30 г.) Вс. Вишневского; «Глубина 225» Гаврилова; «Есть, вести корабль» А. Дмитриева; «Перед штормом» Коломийцева; «Так держать» Б. Лавренева; «Литературная вахта»—альманах Балтфлота; «Корабли» Рахилло, «Черноморский флот» (рассказы и очерки) Чернявского.

О ВОЗДУШНОМ ФЛОТЕ.

«Будни летающих людей» и «Жизнь летчика» Боброва; «Большой восточный перелет» — сборник под редакцией Алкниса, и Кольцова и Семашко; «Комсомол — на самолет» Князева; «Хочу летать» М. Кольцова; «Крылья советов» — сборник Боброва; «Прыжок» Бочина.

Вот все, что дали писатели о Красной армии реконструктивного периода. Несколько десятков очерков в различных гражданских журналах, может быть, не намного увеличат список.

В драматургии: «Последний решительный» и «Междубурье», «Военком» и новая пьеса Б. Ромашева «Бойцы». В поэзии — отдельные стихи Суркова, Сельвинского, книги Луговского, книги Прокофьева — Гитовича — Брауна, главным образом, затрагивающие темы военной опасности.

Тиражи названных книг — ограниченные, коэфициент полезного действия поэтому снижается. Я знаю случаи, когда ленинградские издания нельзя достать в Москве. Как же в таком случае обходится периферийный читатель? Что же он имеет, жадно тянущийся к каждому свежему живому слову о Красной армии и флоте, где он сам служил с 1918 года или же служил или будет служить его сын, брат?

Товарищи писатели! Киплинг сумел воспеть англо-индийские части. Он создал эпос. Мы сумели за 15 лет дать нашим пограничникам—и о них—только две книги Лукницкого и Тихонова, две пьесы (Вс. Иванова и мою) и книгу стихов Луговского. Разве обязательства выполнены?

Позволим себе избавить статью от юбилейного тона. Разве колоссальная тема качественных оборонных изменений всей страны хоть как-нибудь у нас отражена? Нет. Большие произведения: «Гидроцентраль», «Скутаревский», «Энергия», «Поднятая целина», даже «Станица» и «Разбег» насквозь военного по сути В. Ставского не проникают в молекулярные процессы оборонной эволюции СССР, заключенные в каждом колхозе, в нарождении нового типа бойца... Новый художник должен вскрыть все явления войны в явлениях мирного времени. Надо найти художественные эквиваленты положениям Энгельса об экономике и войне. Надо об'яснить каждому рабочему и колхознику (да и прежде всего самим себе), как сцепляются сейчас вопросы коневодства и комплектования конницы, комплектование конницы и характер вероятных операций, как сцепляются вопросы моторизации и дорожного строительства с изменениями театра военных действий и изменениями операций, как обеспечивает нас развитие тех или иных отраслей промышленности.

Умелый выбор материала, пользование аналогиями и примерами Запада всегда позволят развернуть ту или иную проблему, несмотря на ее военную специфичность. Важны генеральные об'яснения, внедрение принципов, а не раскрытие отдельных цифровых показателей.

Подготовительная работа проделана громадная. ЛОКАФ за два с половиной года с огромным упорством и систематичностью «перекапывает» все проблемы войны в область искусства. Критические отделы «Локафа» и «Залпа» представляют собой первостепенного интереса материал. В нем содержатся методологические указания, нити, ориентиры.

Органическое впитывание этого материала одновременно с впитыванием научно-исследовательского материала через журналы «Война», «Революция», «Зарубежник», «Военный вестник» и т. д. и т. п. дадут писателям новые возбудители, осветят материал с новых сторон.

Должен произойти большой качественный сдвиг. До сих пор литература наша в большинстве случаев войну дает, идя путями инерции. Глубочайшего вскрытия природы войны, ее кинетики и динамики мы еще не получили. Психологические зарисовки, как бы они талантливы ни были, не отвечают большой потребности постичь впервые через образы искусства тайну рождения войны, тайну самой войны.

Из инерции психологических, батальных, физиологических приемов надо вырваться. Надо проследить ход мировых явлений и усвоить, что часто мельчайшие, укрытые технические, иногда биржевые сдвиги значат больше, чем первопланные военные явления.

Громадный поток послевоенной статистической литературы, мемуары людей, стоявших у отдельных частей машины, открывают больше чем заведомо фальсифицированные мемуары экс-премьеров, послов и маршалов.

Сейчас идет медленное проникновение в подлинный материал. Два с половиной года Локаф — это выступление нашей литературы в область высокой военной политики и стратегии. Понятна наша нетерпеливость, но понятно и то, что появление больших книг о войне произойдет неминуемо в ближайшие годы. Нужно лишь точнее нащупать методы освоения материала.

Крупные писатели — Леонов, Огнев, Евдокимов, Петров, Ильф и др.—это нащупывание уже ведут, и ведут верным путем: выбором большого материала. Идет взвешивание книг Корбетта, Черчилля, Гельдерса, Пуанкаре, Фирме и т. д.

Далеко не всегда оборонные комиссии успевают понять эти процессы; далеко не всегда умеют помочь, ибо помощь тут необычайно трудна и ответственна. Ориентировать необходимо в полном соответствии с внутренними заданиями самого писателя.

Мне кажется, что наибольший интерес представляет сейчас работа группы ленинградских локафовцев с писателями: Л. Соболевым, Б. Лавреневым, Н. Тихоновым и Лебеденко. Каждый из них пишет сейчас большие книги о войне 1914-18 годов. Каждый из них видит, получает опыт коллектива исследователей, связанных с армией, с Академией и пр. И вот этот-то опыт, я считаю, необходимо осветить.

Эйхенбаум дал ценный материал о том, как эволюционировали «Война и мир».

Живой опыт работы современников будет, вероятно, полезнее, практичнее. В конце концов такой опыт будет иметь значение и для раскрытия самого процесса творчества.

Не приходится сомневаться в том, что записи бесед, обсуждений, хронология этапов творчества, методика работы над материалом крайне помогли бы тому, что я назвал бы сущностью локафовской работы. Нужно просить названных Л. Соболева, Н. Тихонова, Лебеденко и др. открыть опыт общения с локафовской критикой.

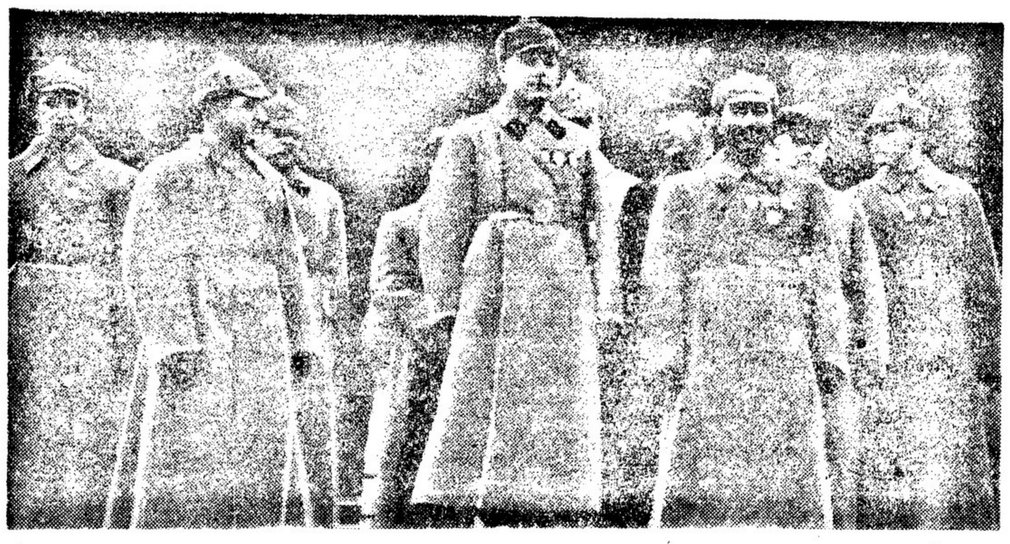
———

Не очень богатые работы наших писателей над темами армии последнего периода; эмпирический скат к деталям, «быту»; наблюдения, суженные до пределов полковой школы, — все это первичные пробы, плата за обучение.

Первичная критика этих произведений поражала грубостью и нетерпимостью. Писателю не давали времени разобраться в материале и в самом себе. Не учитывали того, что в сущности в большинстве случаев сейчас происходит подмалевка, и только немногие дают уже произведения, имеющие право на известную законченность. Нужны были годы, чтобы понять процесс, происходивший в Красной армии в последнее пятилетие.

Все откладывается у писателя, формулируется и вызревает. И совершенно несомненно то, что будущий историк найдет в названных обзором ста шестидесяти восьми произведениях эмбрионы будущих действительно больших произведений о новом понимании войны.

[1] «Залп» № 11-12, обзор М. Брикмана (стр. 106—112).



РЕВВОЕНСОВЕТ СССР НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ (ноябрь 1932 г.).

А. Архангельский

Литературные пародии

Юбилейные вирши Святополка Вагранкина

1923 год

Капитал, слюну глотая,
Скалит хищные клыки,
И шипят, как волчья стая,
Генералы-пауки.

И рычат белобандиты,
Вкруг границ разинув пасть.
Но их карты будут биты,
Если вздумают напасть.

Рыку хищному внимая,
Мы готовы дать ответ:
Острый штык в руке сжимая,
Как скала, стоим ПЯТЬ ЛЕТ!

1928 год

. . . . . глотая,
. . . . . клыки,
. . . . . стая,
. . . . . пауки.
. . . . . белобандиты
. . . . . пасть.
. . . . . биты,
. . . . . напасть.
. . . . . внимая,
. . . . . ответ:
. . . . . сжимая,
Мы стоим уж ДЕСЯТЬ ЛЕТ!

1933 год

Капитал,
слюну глотая,
Скалит
хищные клыки.
И шипят,
как волчья
стая,
Генералы —
пауки.
И
рычат
белобандиты,
Вкруг границ
разинув пасть.
Но
их карты
будут биты,
Если вздумают
напасть.
Рыку хищному
внимая,
Мы готовы
дать ответ:
Острый штык
в руках сжимая,
Мы стоим
ПЯТНАДАЦАТЬ ЛЕТ!

КТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ руководит кружками Красной армии

Ликвидация ЛОКАФ на основе исторического постановления ЦК ВКП(б) не может рассматриваться иначе, как переход литературного движения в Красной армии на новую, высшую ступень развития.

«Включение литературных кружков в систему политико-просветительной работы в Красной армии создает все необходимые предпосылки для роста массового литературного движения в РККА и выявления новых молодых писателей из красноармейской массы» — так совершенно правильно констатирует передовица «Литературной газеты» — «Художественное слово на службу обороне» (№ 2 от 11-I-32 г.).

Однако, реальная обстановка, сложившаяся в работе литературных кружков в частях Ленинградского военного округа, показывает, что литературная работа в воинских частях не включена еще в систему политпросветработы, и этим самым значительно уменьшены предпосылки для роста кружков. Это положение влечет за собой ряд нежелательных явлений в литературной работе в ЛВО. Так, январь месяц отмечен двенадцатью срывами занятий красноармейских кружков, срывами происшедшими по вине самих частей.

Политорганы и парторганизации на местах еще не приняли на себя практическое руководство своими литературными кружками и не создали соответствующих условий для их работы и роста. Это приводит к тому, что в условиях уплотненного рабочего дня (особенно в школах) литературная работа отходит на самый задний план, а иногда просто вычеркивается, как это было в одной из школ ленинградского гарнизона, где ротный командир рекомендовал курсантам нового пополнения «записываться только в технические кружки, которые могут принести пользу, потому что остальные кружки (в том числе и литературный) — одно провождение времени». Такого рода «агитация» в пользу литературного красноармейского движения, конечно, не может быть распространена нами до обобщений, но является характерным показателем «установки» политорганов и парторганизаций данной школы в вопросе вовлечения курсантов в литработу.

Главной причиной такого положения является, на наш взгляд, **непонимание руководством большинства частей ЛВО той новой обстановки**, которая сложилась после ликвидации ЛОКАФ, и недоучет тех требований, которые эта новая обстановка пред'являет к политорганам и к парторганизациям этих частей и к нашей окружной печати. На местах попрежнему считают, что практическое руководство красноармейскими литературными кружками лежит целиком на оборонной комиссии оргкомитета союза советских писателей, как раньше оно лежало целиком на ЛОКАФ.

Оборонная комиссия, в общем, сумела перестроить свою кружковую работу, сумела оживить формы творческого руководства литкружковцами: удалось привлечь значительное число кружковцев-красноармейцев к непосредственному участию в литдекадниках оборонной комиссии, неплохо поставлена индивидуальная работа с творчески-выявившимися кружковцами, проводятся встречи литкружков. Опыт творческого вечера начинающих поэтов дал вполне удовлетворительный результат. Оборонная комиссия обеспечила руководами все красноармейские литкружки, инструктора оборонной комиссии систематически посещают занятия кружков. Но без авторитетной и энергичной поддержки всей этой работы со стороны политорганов и парторганизаций она не может дать желаемого эффекта.

Не урегулирован больной вопрос о оплатой руководов красноармейских литкружков. Кто их должен оплачивать: оргкомитет? ПУОРК? сами части? В отношении руководов рабочих литкружков этот вопрос давно разрешен: по директиве ВЦСПС их оплачивают месткомы и фабкомы. Надо немедленно, срочно разрешить эту проблему и для литкружков воинских частей, иначе большая и нужная работа будет сорвана. Пора, давно пора подумать об этом Центральной оборонной комиссии!

Если редакция газеты «Красный Балтийский флот» вместе с Политуправлением Морских сил Балтморя начала руководить литературным движением во флоте, проводя при редакции литдекадники, читки, творческие вечера, и следить за работой кружков через литсектор газеты, — то редакция окружной газеты ЛВО «Красная звезда» ограничивается лишь помещением литматериала на страницах газеты, ни в какой мере не принимая на себя руководство литкружками. Между тем инструктора оборонной комиссии, конечно, не являются авторитетом для политорганов и парторганизаций частей ЛВО и поэтому не могут выправлять равнодушное порой отношение их к вопросам литературного красноармейского движения.

Двухмесячная практика работы в новой обстановке подсказывает категорическую необходимость внести в дело руководства литературным движением в Красной армии полную ясность. **Нам думается, что такую ясность могла бы дать специальная директива Политуправления РККА о литработе в частях Красной армии с определением обязанностей политорганов и парторганизации воинских частей в деле руководства литкружками в РККА, с включением работы литкружков в календарные планы политпросветработы.**

Два года работы ЛОКАФ создали литературное движение в РККА, дали десятки книг о Красной армии, выдвинули ряд кружковцев в литературу. В период ломки старых организационных форм для повышения качества литработы в Красной армии — Политуправление РККА должно притти на помощь.

Бюро оборонной комиссии ленинградского союза советских писателей: Н. СВИРИН, Б. ЛАВРЕНЕВ, Л. СОБОЛЕВ, А. ДМИТРИЕВ, В. ЛАПИНСКИЙ.

О. Литовский

Театр ПРОЛЕТАРИАТА

10 лет Театра революции

Десятилетний юбилей молодого театра стоит многих маститых и «заслуженных» юбилеев и дат.

Уже при самом рождении Театра революции, в дни и месяцы, когда он делал свои первые шаги, перед ним всем ходом развития советского театра, отставшего от требования современности, была выдвинута задача дать новому, массовому демократическому зрителю то, что ему не могли еще дать многие другие театры, дать зрелище, актуальное и художественное одновременно, дать спектакль, насыщенный политическим содержанием и оформленный на высоком уровне социалистического мастерства. Выполнение этой задачи удалось театру не сразу. Несмотря на то, что театр революции возник, так сказать, организованным порядком, по постановлению советских органов, как театр, который должен был в художественных образах мобилизовать трудящегося зрителя на выполнение основных задач и целей пролетарской революции, он не мог таким же революционным порядком сразу утвердиться на правильном идеологическом, художественном пути. Не мог потому, что груз старой буржуазной идеологии, косных мифических традиций политического нейтрализма, с которым пришла к нам старая художественная интеллигенция, накладывал своеобразный отпечаток и на молодые, возникшие после Октября театральные организмы. Сказалось это на Театре революции в первые годы его деятельности. Поставив перед собой правильную политическую задачу быть художественной трибуной пролетариата, театр не смог конкретизировать этр свое задание в образах конкретной советской действительности, в образах классовой борьбы. Не смог потому, что для его художественного коллектива, как и для других наиболее передовых и политически близко стоящих прослоек художественной интеллигенции, не были ясны социалистические задачи пролетарской революции. Отсюда — репертуар, насыщенный абстрактно-революционной романтикой, отсюда — репертуар, насыщенный беспредметной героикой, репертуар, свидетельствовавший, что театр, сознательно отказавшись от политического нейтрализма, на деле не изжил его в своих постановках, оторванных от живой жизни борющегося советского и международного пролетариата.

Как и подавляющее большинство попутнической интеллигенции, театр на первых порах интересуется судьбой индивидуальности в революции, проблемой одиночки и коллектива, его увлекает анархистско-бунтарская стихия революции.

«Ночь» Марселя Мартине, «Озеро Люль» Файко, «Человек-масса» и «Разрушители машин» Толлера, «Степан Разин» Каменского и «Спартак» Волькенштейна — дань этому периоду. Большую роль сыграла пьеса Билль-Белоцерковского «Эхо» — пьеса действительной классовой борьбы революционного героизма.

Отрыв от действительности Театр революции начинает очень скоро ощущать. Правильно осознанные политические задачи, постоянные и повседневные коррективы пролетарской аудитории, дыхание нового по своему составу зрительного зала дают театру возможность нащупать правильно тематику, волнующую работний класс.

Проблема нового человека революции (например, «Рост», «Ужовка»), новой женщины (в частности «Инга»), новой деревни («Ужовка»), героики социалистического строительства (тот же «Рост», «Поэма о топоре», «Стройфронт»), революционная борьба международного пролетариата («Курите револьвер», «Улица радости»), эпопея гражданской войны («Первая конная»), проблема интеллигенции в революции («Человек с портфелем») и т. д. — вот вопросы, которые интересуют Театр революции. Он разрешал их на сцене, как мы уже говорили, с различным успехом. Амплитуда колебания художественно-идеологического содержания спектакля чрезвычайно обширна. Но в заслугу Театра революции должно быть поставлено, то, что театр шел в самую гущу жизни. На этом пути у театра были отдельные ошибки и провалы, но были и замечательные достижения, были превосходные спектакли, которые навсегда останутся в истории советского театра. Идеологический путь Театра революции, разумеется, нельзя оторвать от его художественной эволюции. Активные поиски в репертуарной области сопровождались столь же активными экспериментами в области художественного стиля, художественной формы, в области театрально-творческой методологии. Абстрактность и непременность содержания рождали беспредметность, изощренный конструктивизм его сценического выражения. В поисках театральной формы для нового революционного содержания театр, нередко отвлекаясь от материала, становился на путь самодовлеющего изобретательства, внося в него элементы футуристического отрицания всего старого лишь только потому, что оно старое. То были детские болезни левизны. Новая тематика, почерпнутая в окружающей действительности, помогла театру изжить эту «левизну». Опять-таки постоянная связь с рабочим зрителем, необходимость и обязательность давать спектакли, доступные, ясные для зрителя и по содержанию и по форме, укрепили театр на реалистическом пути. Большую роль здесь сыграла и труппа театра, основное ядро которой состояло из актеров реалистической школы, которым было трудно жить полнокровной жизнью на условных сценических площадках, на станках формалистической обстановки, в мире нереальных вещей и ритмов, созданных фантазией режиссера и художника.

Ныне театр окончательно укрепился на пути реализма, изжив детские болезни формализма, конструктивизма и нигилистического отношения к старой театральной культуре. Огромную роль в жизни театра сыграл Всеволод Эмилиевич Мейерхольд — первый его художественный руководитель. Под влиянием возвещенных им в платформе театрального Октября революционных политических принципов театр возник и формировался. Под его же влиянием театр окреп художественно и идейно. Ошибочно думать, что Мейерхольд привнес в Театр революции только лишь радикальные лозунги отрицания старого искусства, привнес только идеи политической активизации театра. Он принес в театр огромное накопление десятилетиями старой театральной культуры мастерство. Он сумел дать коллективу Театра революции одновременно зарядку революционной смелости, политической целеустремленности и большого мастерства. Поставленное Мейерхольдом «Доходное место» в этом смысле является спектаклем образцово-показательным, этапом для Театра революции, постановкой, в которой качества замечательного мастерства сказались в наиболее концентрированном виде.

Театр революции еще не «маститый». Перед ним еще — долгий путь поисков, путь, на котором его еще ждут ошибки и заблуждения. Последняя премьера театра «На Западе бой» свидетельствует еще о рецидивах толлеровской экспрессионистской полосы в театре. Это, однако, нисколько не умаляет успехов Театра революции, имеющего в своем активе такие спектакли, как «Человек с портфелем», «Первая конная», «Поэма о топоре», «Улица радости», «Мой друг». Путь театра это не есть линия равномерного и плавного роста. Это не есть полоса постоянного благополучия, постоянных удач. Поиски и эксперименты неизбежно связаны с издержками производства, но это — плодотворные издержки, обогащающие как Театр революции, так и весь советский театр в целом.

На одиннадцатом году своего существования Театр революции имеет прекрасный коллектив актеров, среди которых насчитываются такие имена, как Орлов, Бабанова, Глизер, Штраух и др., и такого талантливого художественного руководителя, как А. Д. Попов.

Отметим также большую положительную работу директора Театра революции И. С. Зубцова.

В одиннадцатый год своего существования Театр революции вступает в полосу политической художественной зрелости и расцвета.

СВЕРХУ ВНИЗ: ДИРЕКТОР ТЕАТРА И. С. ЗУБЦОВ, ЗАВ. ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЧАСТЬЮ А. Д. ПОПОВ, РЕЖИССЕР И ХУДОЖНИК И. Ю. ШЛЕПЯНА, АРТИСТЫ: М. И. БАБАНОВА, Д. Н. ОРЛОВ

БОЙЦЫ ЛИТЕРАТУРЫ РККА

Движение в литературе, получившее имя ЛОКАФ, — имя, ставшее популярным и уважаемым, — ширится у всех на глазах. Превращение ЛОКАФ в оборонную комиссию оргкомитета ССП отнюдь не уменьшило размаха работы. Наоборот, работа усилилась, и тому свидетельство последние встречи писателей с т. ТУХАЧЕВСКИМ и т. РАДЕКОМ.

В день 15-летия Красной армии оборонные комиссии заслуживают того, чтобы были отмечены старые локафовцы, задва с половиной года добившиеся больших результатов.

За два с половиной года ЛОКАФ обеспечил появление следующих книг:

«Капитальный ремонт» Л. Соболева
«Страна на замке» Кнехта
«Война» Н. Тихонова
«Клинки и тачанки» Н. Тихонова
«Последний решительный» Вс. Вишневского
«На Западе бой» Вс. Вишневского
«Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского
«Русские солдаты» К. Левина
«Шагают миллионы» Л. Деттарева
«Перекоп» Ипполитова
«Эскадрон комиссаров» Ганибесова
«Есть, вести корабль» А. Дмитрова
«Так держать» Б. Лавренева
«Бойцы и корабли» сборник Балтфлота
«На страже» сборник ЛОКАФ, Москва
«Приказ о мобилизации» Брауна, Тиговича и Прокофьева
«Пленный» Вашенцева
«Вы будете призваны» Марьенкова
«Салаженок» Колбасьева

В производстве находятся новые книги Н. МАМИНА о Балтфлоте, С. МИХАЙЛОВА о современной Красной армии, ЛАПИНСКОГО об империалистической войне и т. д.

Оборонная комиссия теснее и теснее связывается с театрами, и международный бюллетень МОРТ отметил недавно, что проблемы обороны занимают видное место в репертуаре театров СССР, начиная от МХАТ, давшего «Бронепоезд», и кончая клубной сценой. Появление последних оборонных пьес Вс. Вишневского, О. Прута, Б. Ромашева, Зельцера и др. — результат творческой поддержки и практической помощи локафовской среды.

Киносекция обеспечила ряд сценариев: «Анненковщина», «Баржа смерти» и др.

Литературно-критическая работа Н. СВИРИНА, РКЯЗИНА, БЕРЕЗОВА, ВАРШАВСКОГО, МЕССЕР, ТАМАРЧЕНКО, ТАРАСЕНКОВА и др. локафовских критиков открыла писательству глаза на многие явления войны, применительно к искусству. Журналы «Локаф» (ныне «Знамя») и «Залп» стали подлинными центрами оборонного искусства СССР.

ЛЕНИНГРАДЕЦ

Об организации среди писателей СССР конкурса на лучшие пьесы

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

Придавая особое значение театру как одному из наиболее действительных средств политического воспитания широких масс трудящихся и в целях создания высокохудожественных театральных пьес, могущих содействовать просвещению масс в духе социализма,

Совет народных комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Об'явить конкурс писателей СССР на создание лучших театральных пьес (темы — по выбору писателей из быта СССР и заграницы).

2. Для премирования лучших драматургических произведений, представленных на конкурс, установить десять премий Совета Народных Комиссаров СССР:

2 ПЕРВЫХ премии по 15 тыс. рублей,
3 ВТОРЫХ премии по 10 тыс. рублей,
5 ТРЕТЬИХ премий по 5 тыс., рублей.

Срок представления пьес на конкурс — 1 ноября 1933 года.

Пьесы могут представляться на конкурс под девизом или за подписью автора.

3. Для рассмотрения представленных на конкурс пьес и присуждения премий назначить жюри в составе: СТЕЦКИЙ А. И. (председатель жюри), БУБНОВ А. С. (наркомпрос РСФСР), ГРОНСКИЙ И. М. (председатель оргком. союза совет. писат.), ЛУНАЧАРСКИЙ А В. (председатель Ученого комитета при ЦИК СССР), СТАНИСЛАВСКИЙ К. С. (директор МХАТ I), МЕЙЕРХОЛЬД В. Э. (директор театра), КУЛИК Н. У. (председатель орг. ком. союза писателей УССР), ВЛАДИМИРОВ В. К. (директор Малого театра), СИМОНОВ Р. Н. (режиссер театра им. Вахтангова), ЛЮБИМОВ-ЛАНСКОЙ Е. О. (директор театра МОСПС), ЛИТОВСКИЙ О. С. (нач. Главреперткома РСФСР), ТОЛСТОЙ А. Н.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР.
В. МОЛОТОВ (СКРЯБИН)

Зам. управляющего делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР
И. МИРОШНИКОВ.

Москва, Кремль, 17 февраля 1933 г. № 229.

МАТЭ ЗАЛКА

Конная прогулка

отрывок из романа

Выстрел врезался в лесную тишину. Зина взглянула на Гара. Лицо его заострилось, в глазах темный блеск. Он бросился по направлению выстрела. Его решительность заразила Зину — она откинула в сторону букет и побежала, по пути открыв предохранитель браунинга.

— В стволе патрон, — сказал Гара, глядя на девушку ободряющим взглядом.

Зина улыбнулась в ответ, хотя чувствовала, что лицо ее похолодело.

Когда они достигли канавы, Гара схватил ее за руку. Зина остановилась. Не слышала ничего, кроме сильных ударов сердца. Гара высунул голову из кустов и тотчас поддался обратно, делая Зине знак левой рукой. Зина поняла, что ей надо выйти на дорогу... Револьвер она держала наготове.

Когда Зина выскочила на дорогу — прогремел второй выстрел. По дороге испуганным галопом с болтающимся поводом неслась на нее лошадь комиссара.

Гара сделал Зине знак. Она побежала коню наперерез и ухватила повод. Лошадь так сильно дернула, что Зина упала и при этом выронила из рук револьвер...

Миг — и Зина уже была на ногах, схватила запыленный револьвер и, закрыв предохранитель, вскочила на седло. Тут из лесу послышались один за другим два выстрела и продолжительный свист. Гара нигде не было видно. Зина услышала крик, и опять прозвучали выстрелы.

Шагах в двадцати от поворота к стоящей неподалеку телеге бежали трое человек в крестьянской одежде. Четвертый, держа вожжи, кричал им что-то. Шаркези стоял посреди дороги и стрелял в бегущих. Когда Зина показалась в кустах, Жига закричал:

— Бейте их, стреляйте метче.

Зина, не задумываясь выпустила вслед бежавшим два патрона, — но тут Шаркези подскочил уже и с молниеносной быстротой очутился в седле.

Из леса (теперь она знала, что стреляет Гара) один за другим методично раздавались выстрелы. Один из бежавших упал: опустился на колно, потом повалился навзничь...

Лицо Зины раскраснелось. Она с волнением следила за Жигой и не замечала выстрелов беглецов. Старый гусар перекинул через плечо карабин, вынул саблю, и прежде чем Зина успела опомниться, сверкнуло лезвие и второй из нападавших упал.

Другой, кинув что-то в дорожную пыль, согнувшись и втянув голову в плечи, беглец исчез в кустах. Стоящий на телеге, прекратил стрельбу, увидев гибель своих товарищей. Он стегнул лошадей, те помчались во всю прыть.

Жига устремился за телегой. В поднявшемся столбе пыли только поблескивало лезвие его сабли. Гара выскочил из кустов и, не спуская глаз с лежавшего, подбежал к нему, наставив в упор револьвер. Раненый повернулся, застонал. Лошадь Зины фыркая, приблизилась к лежавшей лицом вниз фигуре, в трех шагах от которой валялся брошенный обрез.

Кровь не сочилась больше из головы убитого. Зина не чувствовала отвращения при виде свежего трупа.

Гара закричал раненому: «Где твое ружье?». Тот стонал, потом схватился за колено и отчаянно завыл. Гара оглянулся и увидел немецкий обрез, лежавший в колене. Он поднял его.

— А вот еще одно ружье, — крикнула ему Зина.

— Ага! — обрадованно сказал Гара. — Где же?

— Здесь, здесь, — ответила Зина, указывая рукой направление.

В нескольких шагах Гара нашел еще два обреза. Он бросил их в одну кучу среди дороги, в двух шагах от мертвеца, и двинулся к лошадям. Взял у Зины повод и вскочил в седло.

— Ты оставайся здесь, — сказал он Зине обычным спокойным голосом. — Надо только выследить, куда удрал беглец. Если опять появится, стреляй.

— Есть! — по военному ответила Зина, чувствуя, что если придется, она именно так и будет действовать.

Гара пришпорил лошадь, ускакал. Зина, оставшись одна на дороге, внезапно почувствовала, что ноги в коленях так дрожат, что она едва сможет вытащить носок ботинка из стремени, а тут лошадь комиссара опять стала волноваться. Билась, билась с ней Зина, но та не переставала вертеться, фыркать, топать. Зина выбивалась из сил... По пути ей вспомнился приказ — и с ужасом заметила, что ей с седла не сделать ни одного выстрела.

Потянув сильно за повод, она остановила лошадь и быстро соскочила. У поворота, на краю рва, стояло дерево. Зина подвела лошадь к дереву и, быстро ухватившись, крепко привязала повод к суку.

Тем временем раненый зашевелился и начал ползти. Зина заметила и выстрелила два раза. При втором выстреле раненый растянулся. Наведя револьвер на него в упор, она подбежала к нему. Раненый плакал, отвернув от Зины лицо. Девушка прошла мимо, крикнув раненому:

— Если ты сделаешь хоть один шаг — получишь пулю в лоб, то есть если будешь двигаться.

Подняла сложенные три обреза (раненый, очевидно, тянулся к ним) и кинула их назад в канаву, туда, где беспокойно вертелась лошадь. Здесь кусты были редкие, так что Зине легко было наблюдать. Ружья она бросила по левую сторону канавы и потом, вернувшись к раненому, грозно крикнула лошади. Та мигом успокоилась и, повернув к Зине свою умную морду, стригла ушами.

Раненый плакал и скрежетал зубами. От этого скрежета в Зине нарастала ненависть, презрение и гнев. Неизвестно откуда вспомнилось ей, что пойманных бандитов надо заставлять ложиться на спину и держать руки далеко от тела.

Зина приказала раненому лечь навзничь и протянуть руки к голове.

Раненый не тронулся с места.

— Ложись навзничь! Слышишь? А то буду стрелять!

Раненый пошевельнулся. Повернулся на спину и растянул руки.

Это был молодой смуглый парень. Лицо его было запылено и грязно, только белки глаз сверкали и ярко алел раскрытый рот.

— Товарищ... — стонал он, — что с нами делаете? Сестрица... милая... я не бандит... меня уговорили другие... Они — дезертиры... А мне только в октябре призываться...

— Молчи! — строго приказала Зина.

— Ой, как ноге больно... отрежут ее, — плакался парень, — пуля раздробила колено...

— Молчи!

— Барышня... дай водицы испить... из канавы, ежели можно, — всхлипывал раненый.

На дороге послышался топот. Парень задрожал и закрыл лицо руками. Гара примчался галопом.

— Все в порядке? — спросила он.

— В порядке, — ответила Зина. — Оружие я кинула в канаву, этот паренек интересовался им. Я слезла с лошади, очень уж она была неспокойна.

Гара соскочил с лошади и подошел к Зине. Он был возбужден, револьвер торчал у него в руках.

Глаза благодарно блестели.

— Ну, товарищ Зина, как вам нравится прогулка?

Зина молчала.

— Я должен тебе заявить, между прочим, что ты прекрасно справилась, Зина... блестяще... Спасибо, родная.

На дороге показалась телега — за нею следом ехал Жига. Карабин лежал у него поперек седла.

Из телеги Жига кричал:

— Товарищ Зина, справилась молодцом. Похвально... Похвально...

Зина револьвером приветливо помахивала старику....

Телега остановилась. Старик спрыгнул, подбежал к убитому и носком сапога поддел его под спину. Тот перевернулся лицом кверху, и тут только Зина увидела, как силен был удар, который нанес ему саблей старик.

Зина отвернулась — взгляд ее упал на сидевшего в телеге совершенно пришибленного парня. Вот он повернул к Зине свое круглое бородатое лицо. Большие голубые глаза с испугом и удивлением глядели на Зину. Вдруг он сорвал с головы шапку и встал на колени — тут же, в телеге.

— Зинаида Мартыновна, ангелочек, спасительница ты моя, — воскликнул парень, — я не виноват... скажите господину комиссару... я просто возница... Зинаида Мартыновна... ей богу, вот те пресвятая дева...

Четвертым бандитом оказался Паша Дорошенко, бывший денщик Мартына Филиппыча, тот самый, который, уходя, так сильно хлопнул калиткой, что она сорвалась с петель.

Как ни трагична была картина, Зина расхохоталась.

— Паша?.. Ты — бандит?.. Паша?

— Не я... милая, золотая... Николи и не думал...

Жига стукнул Дорошенко в спину. Сложили на телегу оружие, мертвеца и раненого — и старик велел трогаться.

Гара помог девушке взобраться на седло и, усаживая, поцеловал ее.

ИЗВЕЩЕНИЯ

При издательстве «Советская литература» (Тверской б., 25, комн. 12) организована литературная консультация. Работа с начинающими авторами производится с 12 до 18 час. 30 мин.

23 февраля в 18 час., в помещении редакции жур. «Смена» (М. Черкасский, д. 3/4, «Комс. правда», комната 17) состоится очередное собрание творческого коллектива «Смена». В повестке дня: стихи **Д. Кедрина**. В обсуждении примет участие **В. Инбер**. Явка для членов коллектива обязательна.

24 февраля в 20 час. 30 мин. в Доме печати (Никитский б., 8-а) состоится творческий вечер поэта **Александра Чачикова**. Вступительное слово **А. Н. Мартиросова**. В художественной части выступят: заслуженный артист республики **Л. А. Фенин**, артистка **Г. В. Адеркас** (пение), **А. Архангельский** (пародия), национальные поэты СССР. На вечере — выставка произведений А. Чачикова.

25 февраля в 18 час. Центральный литкабинет совместно с оборонной комиссией устраивает слет литкружков, посвященный 15-летию годовщины Красной армии. Порядок дня: 1) доклад о Красной армии и художественной литературе, 2) выступления писателей со своими произведениями (Вишневский, Сейфулина, Уткин, Третьяков, Ситковский, Гусев, Головин, Левиан, молодые красноармейцы-писатели: Морозов, Харьузов, Лимарев.

27 февраля в 20 час. 30 мин. в Политехническом музее **Андрей Белый** выступит с докладом о своем творчестве и прочтет свои произведения. Председатель вечера **С. М. Эйзенштейн.**

28 февраля в 20 час. в музее-выставке Горького (ул. Маркса и Энгельса, 18) состоится открытое собрание комиссии по изучению творчества Горького. На повестке доклад **Е. З. Балабановича** «Горький и начинающие писатели». Вход свободный.

Ответственный редактор С. ДИНАМОВ
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение
АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена, 3 этаж

МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
Москва, центр, Ветошный ряд
Телефон 3-37-53 и 4-21-19

К 15-летию Р. К. К. А.

ВЫПУЩЕНЫ КНИГИ:

1. Матэ Залка — Возвращение Ли-Вей-Чана. Рассказы.
2. Л. Аргутинская — Огненный путь. Роман.
3. Альманах — Боевые годы. Сборник партизан и красногвардейцев.
4. Новиков-Прибой А. — Ухабы. Повести.
5. Новиков-Прибой А. — Смерч. Повесть.
6. Новиков-Прибой А. — Бегство. Повесть.
7. Г. Тарпан — Черноморцы. Рассказы.
8. Г. Тарпан — Матросы. Повесть и рассказы.
9. Гарнич — Осьмнадцатый. Повесть.
10. Артем Веселый — Повести и рассказы.
11. Ф. Гладков — Три повести.
12. А. Малышкин — Падение Даира.

ВЫХОДЯТ:

1. Чтец-декламатор РККА.
2. Чернявский Е. — Ликвидация. Повесть
3. Г. Максимов — НТ-2. Повесть.
4. П. Дорохов — Колчаковщина. Роман.
5. В. Толстой — Люди, которые летают. Повесть.
6. Н. Липман — Записки красноармейца.
7. И. Скляров — На разъезде. Повесть
8. О. Бройде — В плену у белополяков.
9. П. Березов — Писатели и оборона. Критич. статьи.
10. Ив. Рахилло — Счастливый город. Повесть

О заказами обращаться в книжный магазин МТП Москва, 9, ул. Горького, 12, тел. 73-34

Уполномоч. Главлита В—45394

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30